

Нерушимый

Автор:

Денис Ратманов

Нерушимый

Денис Ратманов

Нерушимый #1

Есть ли в мире справедливость? Еще вчера Александр ответил бы, что нет. Одаренный от природы, он ухаживал за неизлечимо больной матерью и не развил таланты. Беременная жена умерла от врачебной ошибки, и никто не понес наказания. Спасая соседскую девочку, вместо первых полос газет Александр попал на тот свет и...

...понял, что справедливость есть! Ему снова восемнадцать, у него новое тело и миллион возможностей, он в мире, где СССР не распался, и теперь точно осуществит мечту детства! Но есть нюансы. Его могут забрать в армию, записать в шпионы, посадить в тюрьму, потому что он голый и без документов, его подстерегают тысячи соблазнов. Получится ли выстоять и исполнить мечту детства - вывести нашу сборную в финал чемпионата мира по футболу?

Денис Ратманов

Нерушимый

* * *

Пролог

Сегодня будет особенный день. Наполненный ароматом кофе и мандаринов, шелестом конфетных оберток, детским смехом, звонким, как бубенцы на повозке Деда Мороза. Вечером зажгут гирлянды, натянутые между деревьями, и, мокрые от дождя, они будут мерцать, покачиваясь на ветру.

И обязательно пойдет снег, у Мороза еще целая неделя, чтобы исправиться к Новому году. А потом – неделя выходных! Я сдвинул зонт над головой и попытался улыбнуться дождю, шлепая по лужам.

Все плохое останется в прошлом, все хорошее скоро начнется...

Хлюп! Нога провалилась в колдобину, и весь мой аутотренинг размяк и захлюпал. Твою ж! По самую щиколотку провалился, да в жижу. Теперь домой возвращаться – какой уж там магазин!

Меня обогнули два гостя из Средней Азии. Один из них, толстый, в заношенной бейсболке в цветах американского флага, пробормотал что-то, и, перебежав дорогу, эта парочка исчезла в магазине, где все было втридорога, кроме паленого пойла.

И что? Ну да, праздники. Чтоб их, семейные! Но семьи больше нет. Аленки нет. Потому что кто-то решил, что ей надо рожать самой, несмотря на риски. В итоге ребенок умер. Жена попала в реанимацию, но кровотечение остановить не удалось. Полгода прошло, а легче не стало. Все инстанции оббежал, самых дорогих юристов нанял, и лишь один честный отказался от дела, сказал, что врачей редко удастся осудить. Тем более таких, как дочь начальника службы родовспоможения при министерстве здравоохранения.

Страна в кризисе. Продажи в заднице. Я бросил взгляд на билборд, где тип с масляной рожей держал пылесос и смотрел на него с вожделием, как на Скарлетт Йоханссон, которую собрался оприходовать.

«Купи жене подарок! Новогодние скидки! Море сюрпризов!»

«И сосну в подарок», – невесело подумал я.

Семью потерял. Все возможности – тоже. В общем, не разбогател, не прославился, не развил таланты... А ведь было что развивать! Мог бы играть в футбол и стать вратарем – отлично же получалось. Но выбрал карьеру экономиста. И тоже не развил, не до того стало, когда заболела мать. Мог бы податься в стендап. Мог бы выучить десять языков, с моей-то памятью! Но каждое дело требует самоотдачи хотя бы на начальном этапе, а я не в силах был бросить маму и уехать в Москву, да и деньги на лечение понадобились немалые.

Жаль, что сейчас уже поздно начинать. А как дышал, как дышал...

Да и что начинать, когда в сорок с чем-то на собеседованиях на тебя смотрят, как шиномонтажник на лысые покрышки «жигулей»? Да, фотографическая память, да, английский, немецкий, немного турецкого и болгарского – но произношение-то ужасное. И «раз ты такой умный, то почему не богатый», зачем тебе работа в нашей мелкой компании? Извини, чувак, но мы возьмем специалиста помоложе, на котором можно ездить, пока он в твои сорок не откинется кверху копытами, а потом не уползет в свою нору доживать – прохудившаяся прокладка корпорации. На тебе-то фиг поездишь, раз в свои сорок один такой здоровенький. А должность повыше надо заслужить. Не всем удастся: во-первых, не все доживают, во-вторых, у некоторых коллег есть правильные родственники.

Как говорится, поздно пить боржоми.

Захотелось кого-нибудь ударить. Но не себя же бить!

Мной овладела злость. На себя, на врачей-коновалов, на сборщиков мебели, у которых то акула поломалась, то свисток оглох, то на шимо белый и шимо темный – самые популярные цвета в этом сезоне, на клиентов (где мой шкаф?), на поставщиков (ну вы понимаете, «газель» поломалась, а на прошлой неделе грузчики напились, а на позапрошлой у меня бабушка умерла, да, уже пятая). Но главное – на шефа, похожего на голубя-дутьша с характером старухи Шапокляк.

Я повернул домой, засеменял по пустынной улице, закрыв зонт, чтобы дождь остудил злость. Капли быстро намочили голову, заструились за шиворот.

Вспыхнули фонари вдоль дороги. Проезжающие легковушки поднимали перед собой настоящие цунами брызг, как омывающие асфальт машины в лучшие времена. Дождь тарабанил по крышам, шлепал по лужам, и в его грохоте тонул шум моторов.

До родного двора оставалось минут пять, когда сквозь грохот дождя прорезался отчаянный женский крик и сразу оборвался, как будто этой девушке закрыли рот. Я остановился, бушующий в крови адреналин подтолкнул сердце, и оно сорвалось в галоп.

Где?

Точно не на той стороне улицы – слишком далеко. И не в квартире этой пятиэтажки – не услышал бы. Взгляд зацепился за дыру в металлопрофильном заборе в паре метров от меня, из-за которого торчали блоки недостроенной многоэтажки. Наполовину утонув в луже, валялся букет цветов.

Стройка то затухала, то оживала, и тогда оттуда, как тараканы, расползались по окрестностям понаехавшие гастарбайтеры – то наши, то какие-нибудь таджики. Видимо, хозяин не любил платить, потому работники и менялись. Догадка полоснула по разуму молнией – ах вы ж черти усатые!

Крик больше не повторялся, но и так было ясно, что к чему. Ругнувшись, я скользнул за забор, перехватывая зонт поудобнее. Зонт был непростой, тактический забугорный – купил за большие деньги с рук, испытал, убедился в надежности.

В бытовке с приоткрытой дверью горел свет. Погасив желание ринуться в бой немедленно, я оценил свои шансы: за спиной шесть лет бразильского джиу-джитсу в зрелом возрасте, множество спаррингов и ни одного реального боя. Тысячу раз слышал, что в уличном бою все эти приемы не более чем мишура... Типа против лома нет приема.

Хлесткий шлепок и женский вскрик подстегнули, и я в два прыжка добрался до бытовки, заглянул внутрь. Двое работников в фуфайках держали девушку за руки и ноги, распластав на разложенном диване. Третий что-то приговаривал, зажимая ее рот и пытаясь стянуть узкие джинсы. Четвертый стоял чуть в стороне и, судя по экспрессии, гортанно и не по-русски материл ширинку,

пытаюсь ее расстегнуть. Национальные ругательства не помогли, и он подключил русские: «Я тебе рот открывал!»

Помещение стандартное, без перегородок, два с половиной на шесть метров. У входа – шкаф для одежды. Диван, разложенный посреди бытовки, занимает огромную часть площади, не разгуляешься.

Гастарбайтер, так и не победивший ширинку, меня увидел, но не успел подать сигнал тревоги – я атаковал, но не его, он был далеко, за изголовьем дивана. Со всей силы ткнул стальным наконечником зонта в третьего строителя, который был на девушке, целя в позвоночник между грудным и поясничным отделами. На тебе, урод! Он завопил, заваливаясь набок. Одновременно заорал дальний, подтянул портки и кинулся к столу у окна, где между кольцами нарезанной колбасы и переполненной пепельницей лежал обычный кухонный нож.

Два других строителя отпустили девушку. Казалось, она подлетела на пружинах, запахнула пальто и рванула прочь, чуть не сбив меня с ног.

Да это же Юлька из соседнего дома! Девчушка еще в школе учится! Вот же уроды, на ребенка напали! И если раньше я планировал просто отбить девушку и ретироваться, то теперь воспылал, как говорится, гневом праведным. Такое нельзя оставлять безнаказанным!

Сам я их наказывать не собирался, этим пусть полиция занимается. Оставалось только эту самую полицию как-то вызвать, я потянулся за телефоном, но в этот момент бородатый гастарбайтер, стоящий справа от дивана, дернулся, и я насторожился, приготовил зонт для удара.

Бородач попятился, примирительно вскинул руки:

– Нинада бить, брат! Я не хотэл, Шайтан хотэл!

– Не брат ты мне. – Я сплюнул на диван тухлое слово, а тот, кого назвали Шайтаном, запротестовал:

– Э-э-э! Сиколько раз тибе говорил: мыня завут Айтан! А ты сам есть шайтан!

– Тибэ гавариль: шылюх купи! А ты: дорого, дэнэг жалка! А тыпэр мынтам плати! Кто ти значит? Шайтан!

Они начали пререкаться, а тем временем строитель слева заозирался, подошел к своим. «Правый», самый здоровый, рыпнулся было ко мне, но отскочил, когда я попытался достать его зонтом, примкнул к остальным, и только пострадавший выл, скорчившись у моих ног.

Теперь диван отделял меня от стаи гастарбайтеров, один вооружился ножом, второй взял недопитую бутылку, третий зачем-то стряхнул колбасу с разделочной доски и выставил ее перед собой. Как бы ни хотелось их отмудохать, правильнее было не рисковать.

Одной рукой держа зонт, я достал смартфон и задал голосовую команду:

– Алиса, вызови полицию.

Корчащийся строитель попытался встать, но я пнул его в живот, и он опять сложился. Стая переглянулась, и здоровый пробубнил:

– Скажи Алис, нинада полисия! Дэнги есть.

– Брат, нэт полисия!

Громила принялся выворачивать карманы, поглядывая на меня.

– Старший сержант Наталья Малышева, слушаю вас, – донеслось из телефона.

Не сводя глаз с несостоявшихся насильников, я представился, назвал адрес и завершил:

– Попытка изнасилования несовершеннолетней группой лиц... – В этот момент лицо здоровяка изменилось, на нем появилось облегчение, я обернулся, но поздно – подкравшийся со спины подельник строителей в звездно-полосатой бейсболке, один из тех, что перебежали дорогу и направлялись в магазин с паленым пойлом, вогнал мне нож под ребра. Боли я не почувствовал. Услышал лишь скрежет стали о кость.

Главное, не дать вытащить нож, чтобы не хлынула кровь... Но поздно. Последовал удар и еще удар. Телефон выпал из моих рук, там тикал таймер, горел вызов 102.

- Александр? - заволновалась дежурная. - С вами все в порядке?

- И убийство, - хрипнул я, прежде чем увидел, как меркнущий, расплывающийся ботинок моего убийцы обрушивается на телефон.

А потом наступила темнота, ощущения отключились, но остались мысли - четкие, почти осязаемые: «И это все? В чем же смысл?» Промелькнуло стихотворение Летова:

«Жизнь прошла, как очередь

За табаком

У некурящего».

* * *

Досада отступила. Я не чувствовал тела, не понимал, где нахожусь и что происходит, остались только звенящая тишина и полное ощущение умиротворения. Словно что-то говорило мне: «Все, Саня, конец. Можешь расслабиться».

- Да, Саша, ты умер. Так же, как твоя жена Алена и неродившийся сын. Но если их земная жизнь закончена окончательно, то твоя продолжается.

Я заозирался. Точнее, попытался, потому что у меня то ли не было головы, то ли она не слушалась. И глаз, похоже, не было. Но, как говорится, cogito, ergo sum - мыслю, значит, существую. Вопрос только в каком виде? Как голова профессора Доуэля?

- Я решила дать тебе шанс пожить так, как ты всегда мечтал, - продолжил голос. - А как ты им воспользуешься, зависит от тебя.

– Ты решила? Ты... простите, то есть вы женщина? Богиня? – ответил я скорее мысленно, чем вслух.

– У меня нет пола, дурачок. – Голос все больше становился женским и журчащим, а уж звонкий смешок точно был девичьим. – Но я знаю, тебе приятнее этот образ. Ведь так? Можешь не отвечать, я все о тебе знаю. Намного больше, чем ты сам.

– И чем же я заслужил? – Я вспомнил убегающую от насильников Юльку и, кажется, понял. – Как это будет выглядеть?

Вспомнились многочисленные прочитанные книги о попаданцах. Куда они только не попадали! В себя юного, в себя молодого, в разного рода исторических личностей, в графов и баронов. Один чудак даже писал о попаданце в глисту в кишечнике Сталина. Надеюсь, богиня не станет так жестоко шутить.

Ответ меня удивил:

– Заслужил много чем. Ты жил по совести. И, когда заболела мать, остался, хотя мог бы уехать из родного города и сделать карьеру. Учитывая твои таланты, у тебя получилось бы. Но ты двенадцать лет жизни посвятил смертельно больному близкому человеку.

– Любой поступил бы так же.

– Поверь, нет. Да и ты не любой. Тебе многое дано. Ты мог бы стать знаменитым вратарем, известным лингвистом, юмористом, переводчиком.

– Если бы да кабы...

– И ты ЗНАЕШЬ, что у тебя получилось бы, – повторила она с нажимом. – Ты пожертвовал не вероятностью успеха, а гарантированным успехом и предпочел близкого человека, поддерживал как мог, хоть и знал, что болезнь неизлечима, дальше будет только хуже.

Двенадцать лет я жил в аду. Будь у меня тело, наверное, сейчас я испытал бы боль, а так просто констатировал факт: да, имел место такой эпизод.

Богиня (или кто она там?) дала мне полминуты на раздумья и продолжила:

- Пусть институт брака в вашем обществе далек от того, что я вам рекомендовала, но ты хранил верность жене и даже не пытался ей изменить.

- А зачем изменять? – удивился я. – У нас с Аленкой все было хорошо.

- И даже не тянуло налево?

- Я не железный, – смутился я.

- То-то. А ведь соблазнов и возможностей было столько, что и двух рук не хватит пересчитать! Вспомни только ту соседку-студенточку с огромными достоинствами и пустой головой! Она же тебя чуть было орально не изнасиловала, когда ты по доброте душевной ей стиральную машинку подключил, – чтобы не платить за работу.

- Я ни за что бы не сделал больно жене.

- Но ты смог устоять даже тогда, когда был стопроцентный шанс изменить с той красоткой-татарочкой, причем не попавшись, помнишь?

Я помнил, да и как было забыть невероятной красоты молодую женщину, непонятно почему вдруг запавшую на меня? Три дня и три ночи в одном с ней отеле на отраслевой выставке, куда я поехал без Алены, активные приставания ко мне... До сих пор не понимаю, как устоял.

- Помню, – буркнул я.

- Ну вот, спустя столько лет помнишь. И ведь никто бы не узнал!

- Я бы знал. Как бы потом жене в глаза смотрел?

- Вот именно! – почему-то обрадовалась собеседница. – А помнишь сумочку с документами и деньгами? Ты вернул ее владелице, хотя сам нуждался. Они спасли ей жизнь. Ты всегда был готов прийти на выручку любому, кто попросит,

даже если то был тайный враг или совсем незнакомый человек. А вспомни того замерзшего воробья!

- Я... не помню. Вы точно обо мне говорите?

- Тебе было восемь. Ты нашел окоченевшую птицу и принес домой. Отогрел, напоил, накормил и позволил переждать лютые морозы у себя. Сбитую дворнягу ты на руках понес в ветеринарную клинику, чтобы потратить последние деньги на ее спасение. А вспомни, когда вы копили на новую квартиру, твоему школьному товарищу, даже не другу, понадобились деньги на операцию.

- Он все равно умер, - горько подумал я и заметил, что о спасенной Юле ни слова.

- Да, но ты отдал ему половину сбережений, не сказав об этом жене!

- Она бы не позволила!

- Поэтому она умерла окончательно, Саша. А ты нет. Ты продолжишь жить, и с куда большими возможностями, чем раньше.

- Я буду богатым? Выиграю в лотерею? Перерожусь в королевской семье? Или у олигарха?

Вопросы посыпались один за другим, но все саркастичные. Мне было все равно. Я перестал чувствовать эмоции без участия тела. Все происходящее не имело для меня никакого смысла, да и вообще, я был уверен, что впал в кому, надо мной колдуют врачи, а все это не более чем фокусы мозга, страдающего гипоксией.

- Это тебе самому решать. Кем ты проживешь там жизнь и к чему будешь заново стремиться, зависит только от тебя. Постарайся прожить вторую жизнь не только для других, но и для себя.

- Э...

Откуда-то издалека внезапно приплыло что-то навроде компьютерного окошка. Там крутилась вокруг собственной оси болванка, другого слова не подобрать, человека. Что-то вроде безликого манекена. Сверху было написано: «Генерация нового человека». Ниже: «Привязка к душе № 109 976 271 936».

А ниже всплыл текст:

– Выберите имя.

Прямо вот так вот, выбрать имя? Стоит ли менять уже привычное? Родные называли меня Сашей, друзья – Саней, а клиенты иногда – Александром Михайловичем. Алена, моя жена, звала Шуней. Сокращенно от «Сашуня»...

От этих воспоминаний мой бестелесный разум словно замер, отказываясь думать о чем-либо еще, тем более о какой-то бредовой новой жизни, не вспомнив прошлую. Лучшие шесть лет которой я провел с нею... С Аленой...

Глава 1. Жить, как говорится, хорошо!

С Катей, первой моей любовью, мы познакомились в начальной школе. Нас посадили за одну парту. Симпатия была взаимной, и вплоть до выпускного мы считались парой.

Мы даже подумывали пожениться после школы, но и ее родители были против, и моя мама. А потом Катя уехала в другой город, я остался, и понеслось: девчонки, тусовки, курсовые-дипломные, радужные перспективы в Москве... И вдруг раз – и диагноз матери: быстро прогрессирующий рассеянный склероз. И накрылась моя карьера профессора экономики. Пошел в аспирантуру в наш вуз, не потянул учебу и две работы одновременно. А следующие двенадцать лет – мамино медленное угасание.

После ее смерти на вечере встречи выпускников, где была и моя Катя, которая к тому времени весила килограммов под сто, я познакомился с Аленой. Ее класс гулял в том же ресторане. Поженились через полгода, но с детьми долго ничего не получалось, да и Алене в ее двадцать шесть спешить было особо некуда, а

мужчина и в шестьдесят может зачать.

Сначала жили в моей малосемейке, оставшейся от мамы, потом копили на двушку. Цели у нас с Аленкой были общими – родить и поднять детей, обеспечить им минимальный комфорт (по себе знаю, какой ужас, когда у тебя нет своей комнаты), воспитать их людьми, а потом и для себя пожить, попутешествовать. Три года назад удалось обменяться с доплатой на трехкомнатную, вот счастья-то было! Казалось – вот она, цель жизни достигнута!

Как закрыли квартирный вопрос, стали ее обставлять. Мебель, техника. Аленке оборудовать семейное гнездышко было по кайфу, да и мне нравилось. Начинали с голых стен, а вот гляди-ка, уже и мебель хорошая, на заказ выполненная, и плазма на полстены, и холодильник южнокорейский. Обставлялись, обрастали барахлом и несколько лет назад поняли, что и эта цель достигнута.

С детками, однако, долго не выходило ничего. Главное, врачи не могли понять, что не так-то, ведь здоровы мы были оба. Пометались по докторам, клиникам и знахаркам, потом плюнули да принялись исполнять другую мечту – начали путешествовать.

Сначала по России-матушке вдоволь покатались. Тут и Байкал, и Камчатка, и Дальний Восток, и Черное море, и Поволжье. Ну и Золотое кольцо, понятно, куда же без него. Это, может, москвичам просто, а жителю нашего захолустья съездить в ту же Москву – уже за радость! Кто в Москве да Питере побывал, могли смело говорить знакомым, что жизнь удалась.

Только начали осваивать ближнее и дальнее зарубежье: скатались в Минск, побродили по горам Грузии, понежились на песчаных пляжах Турции и Египта, – и случилось несчастье.

Вернее, сначала это было счастьем, ведь Аленка наконец забеременела! Она не сразу поняла, что произошло – настолько нежданно-негаданно это было. И только после осмотра у гинеколога оглушительно радостная новость пробрала меня так, что аж кости заныли: я стану отцом!

А дальше... Дальше были девять месяцев приятных хлопот и волнения, несколько часов тревоги, полгода черной тоски и наконец смерть от нескольких

ножевых ранений.

Словно возвращая меня в текущий момент, текст перед глазами стал больше и замерцал:

- Выберите имя.

Зачем выбирать, если оно у меня есть? Ввожу «Звягинцев Александр Михайлович».

- Принято, Александр. Выберите пол.

Пф-ф... Здесь и думать не стал, взял мужской. Я не сексист, но...

Ну а как вы представляете себе мужчину в женском теле? Еще и с именем Александр Михайлович? Ага, вот и я так же. Не представляю.

- А что такого? - подала голос богиня. - Пол да имя - вещи непостоянные. Сегодня ты мужчина по имени Лоуренс, а завтра женщина Лана. Слышал о ней?

Меня немного передернуло. Был у меня знакомый нетрадиционной сексуальной ориентации. Вот оно (я без сарказма, оно убедительно доказало, что у него средний пол) мне многое разъяснило, но к его объяснениям шли физиологические подробности, а это уже было слишком. Только через мой труп!

Нет, спасибо. Останусь мужчиной.

- Я и не сомневалась, - хихикнула богиня.

Тем временем после выбора пола безликий манекен приобрел мужские очертания. Плечи стали шире, таз уже, руки и ноги крепче. И между ног что-то вздулось - пока бесформенное, но очевидное.

Ладно, что там дальше?

- Принято, Александр. Ваш выбор: мужчина.

- Выберите возраст (не менее 18 полных лет).

Вот здесь я прямо расстроился. С удовольствием бы прожил детство заново! Было бы здорово, с моими-то знаниями! А что, прослыл бы вундеркиндом да гением, стал бы звездой «Ютуба», и все такое... Шучу, плевать мне на славу было тогда, плевать и сейчас. К тому же... опять школа, опять уроки? Потом поступление в универ, лекции, сессии? Черт, не очень-то и хочется. Я вспомнил себя в десятом классе и ту атмосферу, ощущение познания новой, взрослой, жизни. Это будоражило. Девчонки, на которых мы смотрели совсем другими глазами, первые парочки, записки...

Но возвращаться ради этого в школу? Ну уж нет, не вариант. В общем, не о чем жалеть.

Теперь можно подумать, ставить ли минимум или рассмотреть варианты с более зрелым возрастом? Но вот насколько?

Я попытался вспомнить, в какой период мне больше всего нравилось жить. В тридцать? Трудно сказать. Я пахал как вол и плохо себя осознавал. Но вроде сил было еще полно... Хотя стоп, о чем это я? В новой жизни ничего этого не будет! А вдруг я тридцатилетний окажусь без кола, без двора, без образования и денег? И что мне делать?

Не-не, лучшие годы прошли, когда я был двадцатилетним! Помню, мог всю ночь куролесить, а с утра свеженьким на работу. После тридцати о таких подвигах я и не мечтал – похмелье мучало так, что весь день чувствовал себя амебой.

К тому же чем младше человек, тем больше возможностей. Взять хотя бы спорт.

Значит, решено: пусть будет восемнадцать.

- Принято, Александр. Ваш возраст: 18.

- Выберите страну (рождение, гражданство, проживание).

Выкатился полный список стран мира. Список как список, сотни раз видел подобный при регистрации на разных сайтах. Но кое-что в нем отличалось.

Во-первых, в списке попадались страны, о которых я ранее и слыхом не слыхивал. То есть знал, что есть такие территории, но чтобы страна? В моем мире Каталония и Наварра – части Испании, а ГДР давно слилась с ФРГ!

Стиснув несуществующие зубы, я промотал список до названия Родины. России в нем не было. Как не было ни Белоруссии, ни Украины, ни Казахстана, ни...

Минутку!

СССР! В списке ровно на своем месте сразу после Словакии и Словении, но перед США гордо светилась строчка:

– Союз Советских Социалистических Республик...

Вслед за названием в скобочках указывалось некое число. Где-то с плюсом, где-то с минусом. Выглядело это так:

– Республика Сингапур (?12)

– Сирийская Социалистическая Республика (+28)

– Словацкая Республика (?8)

– Республика Словения (?9)

– Союз Советских Социалистических Республик (+25)

– Соединенные Штаты Америки (?12)

– Соломоновы Острова (+1)

– Федеративная Республика Сомали (+31)

Короткая справка объясняла, что чем сложнее условия жизни рядовых граждан страны, тем больше бонусных очков я получу. И это заставило задуматься – нет, не над выбором страны перерождения, а над тем, что и в альтернативном мире,

судя по бонусу, на Родине не все слава богу. Подумалось, что хоть режим другой, а люди-то те же самые. Ну правда ведь те же? Разве что, если развала Союза там не было, не такие зомбированные и развращенные?

Значит, СССР. Заманчиво, конечно, было прожить новую жизнь европейцем, австралийцем или американцем, но, называйте это патриотизмом или глупостью, я не мог поступить иначе.

Какой из меня русский, знают только предки. Отец рассказывал, что бродила во мне и украинская кровь, и татарская, и мордва с чувашами были в родословной. Были немцы, это тоже точно. А вот про прапрапрадеда из цыган и грузинского князя в роду я не поверил. Ну что во мне кавказского или цыганского в прошлой жизни было? Глаза голубые, волосы светлые, нос картошкой. Как Шурик из «Операции “Ы”», только волосы не крашенные, а родные.

Но все это фигня, потому что душой я был русским. Воспитывался на «Кортике», «Электронике», «Незнайке», Алисе Селезневой и «Пикнике на обочине». Читал всего Гоголя, Достоевского, всех Толстых, Шукшина, Некрасова, Чехова, Грибоедова, Гончарова... Рос на фильмах о Великой Отечественной и в детстве мечтал стать космонавтом.

Даже когда весь класс хотел работать коммерсантами, бизнесменами и дилерами-дистрибьютерами, я видел себя в том, чтобы приносить пользу Родине. Например, стать первоклассным вратарем и помочь нашей сборной наконец выиграть чемпионат мира по футболу. Деньги меня интересовали во вторую очередь.

- Принято, Александр. Страна гражданства и проживания: СССР.

- Вы получаете 25 дополнительных баллов, которые сможете использовать при генерации тела.

Так, стоп! Я хочу изменить имя! Точнее, фамилию. У меня новое тело, новая жизнь в новой-старой стране, к Саше Звягинцеву эта личность не будет иметь отношения!

К тому же как вы яхту назовете, так она и поплывет. Перед глазами замерцала строка с моим именем, и, минуту поколебавшись, я все-таки заменил

«Звягинцев» на «Нерушимый». Я восстал из небытия, как и нерушимый в этом другом мире Союз, который устоял.

Будто пробуя новое имя на вкус, я произнес:

– Александр Михайлович Нерушимый.

– Выберите внешность.

А здесь понеслась карусель! Помните, был такой советский мультфильм про шапку? Богач пришел к скорняку заказывать шапку из овечьей шкуры, а потом решил спросить, можно ли из этого сделать не одну, а две шапки? Оказалось, можно и две, и три, и четыре. Ну он, радостный, заказал сразу семь. Скорняк и сделал ему семь шапок. Ма-а-алехоньких, зато семь! Ибо исходного материала-то так и осталось – одна шкура!

Так и у меня. Я получил пятьдесят очков. Еще двадцать пять получил за выбор СССР.

И вложить их хотелось во все! И в красоту лица, и в красоту тела, и в чувство юмора, и в обаяние, и в сексуальную привлекательность, и в ум, и в здоровье. Показателей было очень много, и это только стандартных. А ведь еще были так называемые «врожденные таланты». О, это отдельный разговор. Умение драться, музыка, рисование. Дар обоняния, например, позволял распознавать тончайшие нотки и разбивать запахи на составляющие. Сразу вспомнился нашумевший «Парфюмер» Зюскинда – в том случае не иначе как герой вкинул все очки в этот талант.

Пять очков в каком-либо параметре, судя по справке, – это норма. Обычный показатель среднего человека. Меньше – хуже, больше – лучше. Например, в красоте лица для уровня фотомодели требовалось от пятнадцати. Выше двадцати – это уже отлично, мировой уровень.

И что получается? Становишься очень красивым человеком, но при этом с недалеким умом и отвратительным надтреснутым голосом? Да, голос тоже был. И даже характеристика его имела не одна. Был голос властный, уверенный, сексуальный, влекущий. Значилась градация по музыкальному направлению. Да чего только не было! И это я еще не дошел до самой внешности! Ну, скажем,

телосложения, цвета глаз, длины ресниц, черт лица. Даже волосатость нашел! Причем там позволялось распределить, где и куда, и чего, и сколько...

Утомившись, я перешел на другую вкладку. Там можно было добавить себе всякого рода ущербности. Врожденные генетические заболевания, увечья, шрамы, застарелые травмы. Берешь хромоту и получаешь плюс десять очков. Не прочь носить горб на спине? Получай сразу плюс пятнадцать. Шепелявость оценивалась дешевле – всего два очка в плюс. Заикание, косоглазие, дальтонизм, немота, глухота, всякого рода аллергии. Аллергия на кошек, например, давала сразу плюс три балла. Вот только я слишком люблю котиков, чтобы пойти на это.

Фобии тоже могли послужить источником дополнительных баллов. Арахнофобия – плюс одно очко. Аэрофобия – плюс три очка. Видимо, невозможность летать на самолетах должна была компенсироваться хоть чем-то.

Откуда-то издали донесся смех божества.

– Можешь не спешить, Саша, – прошептала она. – У тебя в запасе целая вечность. Ты вне времени...

Наверное, каждый мечтал бы попасть на мое место и получить возможность изменить свое тело. Не просто так даже эталоны красоты и кинозвезды обращаются к пластическим хирургам, и я говорю не о возрастных изменениях, а об операциях, направленных на коррекцию внешности. Нос поправить, подбородок, грудь. Да мало ли.

Знавал я одну девушку, так у нее к двадцати двум годам исправлено было практически все – от груди и задницы до надутых губ. Выглядела она, стоит признать, сногшибательно. Но живость мимики все-таки была утрачена. Одно дело статичное селфи в социальной сети, другое – близкое общение, при котором все эти нюансы и распознаются.

Создавая себе новое тело, я долго думал и крутил разного рода недостатки. Пытался выбрать такие, чтобы не мешали жить. Вроде тех же веснушек умеренной плотности. А что, Аленку они даже красили. Но, хорошо поразмыслив, так и не решился собственными руками увечить будущего себя. Вот та же аллергия на моллюсков – вроде фигня, да я, может, за всю жизнь ни одного

моллюска не попробую, а гляди ж ты, жалко! А вдруг захочется? А у меня аллергия. Фигня какая-то прям.

Для начала, чтобы было от чего плясать, все основные показатели я выставил средними.

На все это ушло тридцать пять очков. Осталось сорок – пятнадцать плюс двадцать пять бонусных. Это те, что дали за выбор Родины.

Итак. Рост сто восемьдесят три. Выше делать не стал, взял тот, что у меня был в прошлой жизни. Удобно, примерно на полголовы выше девушки среднего роста. Будет на каблуках, тогда сравняемся, а будет выше, тогда каблучков не нужно.

Телосложение атлетическое, но без перегибов. Восемьдесят один килограмм, пятнадцать процентов жира, остальное мясо и кости. Кости сделал покрепче. Спина прямая, осанка гвардейская – похоже, сработали комплексы прошлой жизни: у меня был небольшой правосторонний сколиоз, который не удалось исправить тренировками.

Ушло на все это двенадцать очков.

Еще восемь ушло на лицо. Глаза синие, брюнет. Аристократический нос, аккуратные уши, волевой подбородок. В модельный бизнес я не стремлюсь, но и некрасивым быть не хочется.

Пять очков раскидал на мелочи. Убрал излишнюю волосатость. Прикинув, добавил еще на один балл харизмы. Добавил... э... скажем так, сексуального темперамента и выносливости. Видимо, подсознательно хотелось отыгаться за прошлую жизнь, в которой у меня только юность была бурной, потом стало не до женщин, а когда выбрал единственную, на других претендовать перестал. Что смотреть – да, смотрел.

Также улучшил голос, сделав его богаче, сочнее, такие тембры внушают доверие к говорящему. В той жизни я, заядлый кавээнщик, автор неплохих шуток, с которыми наша институтская команда «Конкретика» даже добиралась до телевизионной Премьер-лиги КВН, потерпел крах на сцене стендапа как раз из-за вовсе не артистического голоса и зажатости.

Совсем закопавшись в мелочах, настроил даже такие параметры, как потливость и работа сальных желез. В лучшую сторону, понятно.

А когда закончил с телом, перешел к прирожденным талантам. Чего там только не было! Я список проматывал, по ощущениям, около часа, и то, кажется, так и не докрутил. Как и во всем, мировой уровень начинался от пятнадцати очков, а у меня как раз столько и осталось!

А что, вложить все, что есть, в футбольный талант, и вот ты будущий Пеле. Или Гарри Каспаров, если в шахматный. А хочешь, становишься актером, как Андрей Миронов и Анатолий Папанов, вместе взятые. Нет?

В общем, учитывая, как легко в наше время пробиваться талантам, можно пойти другим путем. Очков на пять уменьшить внешность и получившиеся двадцать вложить в то, что сделает мировой знаменитостью со всеми причитающимися деньгами, славой и толпами готовых на все поклонниц.

Вот только какой талант выбрать? Спортивный? Профессиональный? Творческий?

Я помечтал о том, что мне нравилось. Футбольные звезды окружены фанатками и зарабатывают миллионы. Из боевых искусств можно пойти в ММА, пробиться в чемпионы и рубить десятки миллионов за бой. Но это слава дешевая, а мне хотелось чего-то вечного.

К тому же, выбрав что-то одно, я ограничу себя во всем остальном, а это недальновидно, ведь в мире столько интересного! К тому же карьера спортсмена скоротечна, и никто не отменял травмы, которые могут поставить на ней крест. Да и я могу передумать – а вдруг не понравится быть спортсменом? Это в мечтах все красиво, а как получится на самом деле?

Может, музыка? В юности и студенчестве я немного лабал на гитаре, но последний раз брал ее в руки лет в тридцать, хоть и мечтал о славе рок-музыканта.

Кино?

Писательство?

Была бы у меня голова в междумирье, она бы закружилась. Я мог бы стать великим доктором или физиком, мог бы посвятить вторую жизнь изобретению лекарства от рака и получить Нобелевскую премию за открытия в астрофизике или мог бы даже стать космонавтом...

Но в самом конце списка талантов я обнаружил то, что можно бы назвать талантами с подвохом – особые умения с какой-то мистической подоплекой. По крайней мере, сказать, что подобные штуки объяснимы современной наукой, я бы не смог.

Изучая их описания, я подумал, что у богини своеобразное чувство юмора – мало того что стоили они каких-то космических баллов, так еще и уравнивались чем-то неприятным. К примеру, один из талантов позволял пускать газы, которые не только хорошо пахнут, но и мелодично звучат. Подвох был в том, что каждый десятый пук мог стать особенно зловонным и даже токсичным.

Особых прирожденных талантов было на два порядка меньше, чем обычных, но изучал я их с куда большим пристрастием. А когда закончил, глубоко задумался – уж очень некоторые запали в душу. Правда, на них бы не хватило, даже если бы я сменил внешность на полного уроды и родился в Зимбабве или Свазиленде. Один талант стоил двадцать семь очков, а второй – тридцать.

И тогда я пустился во все тяжкие.

Открыл список человеческих фобий и начал набирать их, как на распродаже, лишь бы накопить на приглянувшиеся два таланта. Причем, что удивительно, список состоял только из названий фобий, а об их смысле я откуда-то знал, понимание всплывало словно из ниоткуда.

Селахофобия за одно бонусное очко? Дайте две! Вряд ли боязнь акул актуальна в СССР!

Спектрофобия, то есть боязнь зеркал? Да пофиг, два очка на дороге не валяются! Я и в той жизни особо в зеркало не смотрелся, а в этой мне и бриться не придется – убрал излишнюю волосатость, ибо каждодневное избавление от щетины задрало еще в той жизни!

Боязнь летучих мышей, веспертилиофобия, меня тоже не испугала, а это еще плюс два очка!

Сгоряча нахватал я полную авоську и перебрал: заполучил пятьдесят очков, а еще пятнадцать у меня оставалось. Итого – шестьдесят пять.

Александр Нерушимый появится на свет с кучей идиотских фобий: боязнь коронарной болезни сердца, боязнь угольной пыли, боязнь НЛО, боязнь буквы «х»... зато с двумя убойными талантами!

Эмпатия

Особый прирожденный талант.

Внимательно посмотрев на человека, вы понимаете, чего именно он хочет больше всего в текущий момент.

Выбирая этот талант, помните, что многие знания таят многие печали.

Стоимость: 27.

Лучший в мире... иногда

Особый прирожденный талант.

Один день в неделю вы можете стать лучшим в мире в выбранной вами сфере деятельности. Но заплатите за это высокую цену: на следующий день вы станете в чем-то худшим.

Стоимость: 30.

Первый талант я взял не думая. В прошлой жизни мучился тем, что за сорок лет так и не научился разбираться в людях, в их мотивах и поступках.

А вот со вторым захотелось подумать еще. При должной фантазии и стратегии с «Лучшим в мире» можно будет горы свернуть, а что наутро карета превратится в

тыкву, так, если правильно спланировать день и никуда не выходить, нетрудно и переждать.

После выбора особых талантов у меня осталось двадцать восемь очков. Подумав, я выкинул на фиг боязнь буквы «х» – в нашей стране с такой фобией будет не жизнь, а мучение.

Осталось восемь. Сначала хотел размазать их по мыслительным способностям, потом – вкинуть в какой-нибудь талант – спортивный ли, музыкальный или еще какой, потом – бес в ребро и седина в бороду! – захотелось прокачать постельный навык да рабочий инструмент...

...но поступил иначе, скорее повинуюсь иррациональному порыву, чем разуму – все восемь очков я вложил в реакцию, и она у меня стала почти втрое выше, чем у среднего человека.

Словно почувствовав мои сомнения, подала голос богиня:

– Перспективный выбор, Саша. И для себя поживешь, и человеком останешься.

Что она имела в виду, я сначала не понял, но одобрение богини убрало последние сомнения. Парень, чей объемный образ крутился в окне создания нового человека, казалось, сошел с обложки. Я мысленно перекрестился и сказал:

– Готово.

– Удачи, – шепнуло божество.

В следующее мгновение на меня навалился шум большого города. Я судорожно вдохнул и открыл глаза.

Глава 2. Очнулся – гипс!

Еще секунду назад я не ощущал ничего, и вдруг все органы чувств заработали единовременно: свет! шум! запахи! тепло солнца! ветер! Даже во рту проявился вкус мяты. Я подвигал челюстями – точно, вот свежая жевательная резинка.

Но почему так холодно?

– Чего встал, голожопый? – услышал я чей-то хриплый прокуренный голос. – Развелось чудиков...

Прохожий, задевший меня плечом, уже шел своей дорогой, кутаясь в коричневый плащ, какой мой покойный дед носил. Хихикая, мимо пробежали девчонки, обернулись, снова прыснули. За плечом одной из них взметнулся кончик алого галстука. Женщина с авоськами вообще развернулась и потопала, откуда шла.

Я поглядел по сторонам и ошалел от увиденного: широкая проезжая часть, где мчится пестрый поток машин неизвестных марок. Покачивая рожками, проехал троллейбус... Странный, почти весь стеклянный, украшенный новогодней мерцающей гирляндой.

Дома привычные пятиэтажные, но за ними постройки, похожие на сталинские высотки – каменные, изящные, с добротными балконами. Как-то слишком чисто, слишком просторно, слишком... Выхолощено, что ли?

С огромного билборда улыбался краснощекий Дед Мороз: «Дорогие соотечественники! От души поздравляю с наступающим 2023 годом! Желаю вам счастья, здоровья и благополучия!» Год тот же, день, вероятно, тоже – двадцать первое декабря.

И никаких тебе: «Купи! Купи! Ну купи же очередное дерьмо!»

Я зябко повел плечами. Почему так холодно? Мне посигналила машина, водитель покрутил пальцем у виска. Второй проезжающий посмотрел и заржал, и тут до меня дошло, что я абсолютно голый!

Меня накрыло ощущением нереальности происходящего. Ну конечно, это сон, там иногда такое бывает: оказываешься вдруг без штанов на улице, на сцене, в

общественном транспорте – нужно подчеркнуть. Я ущипнул себя за руку, поглядел на наливающийся синяк, после чего запрокинул голову и расхохотался. Не сон, а это значит, что я жив!

Тут от холода я застучал зубами, и стало не смешно. Твою мать, как так угораздило? Богиня, мать твою, могла бы хоть одетым закинуть сюда!

Я отошел с оживленной части тротуара ближе к зданию, замечая на себе взгляды. Будь я терминатором, отправился бы вон к тем припаркованным таксистам и потребовал колеса и дробовик. Хотя вряд ли тут в ходу оружие.

Чуть дальше по улице я заметил зеркальную витрину магазина. Перебежками от деревца к рекламному щиту, а от него к деревцу направился туда.

Ощущения были страннее некуда. Все, что происходило до этого, я помнил крайне смутно. То есть вот прошлая жизнь, она пронеслась кадрами: школа, Катя, футбол, поступление в институт, КВН, аспирантура, путешествия, опостылевшая работа, занятия бразильским джиу-джитсу... Вспомнилось, что шесть лет назад мне, мучимому кризисом среднего возраста, очень повезло с тренером – дагестанцем Гайдаром Ризвановичем, которого мы звали просто Ризванычем. Потом долгожданная беременность Алены и радость скорого отцовства, похороны, судебные тяжбы, вынужденная работа на мебельном складе, «джамшуты» в строительной бытовке, нож между ребер.

А вот то, что было после... Сейчас я другой, это абсолютно точно. Тело было другим!

Не дойдя до витрины, я остановился, прислонился к стене и схватился за голову, пытаюсь удержать воспоминания: какой-то бескрайний космос, некое существо вроде богини или бога, черт его разберет, какие-то возникающие передо мной строки текста... Это был сон? Видения стремительно таяли. Вторая жизнь? Новое тело? Кто я?

Последнее я, похоже, произнес вслух. Проходящая старуха язвительно заметила, не сбавляя шага:

– Наклюкался, поди! Алкаш, вот ты кто! Как не стыдно? Такой молодой, а уже алкаш! Бузотер! Нарушитель общественного порядка! Куда смотрит ваш

комсорг? Иди проспись!

Я покачал головой. Нет, бабуля, не алкаш и не бузотер. Но ты права, надо «проспаться», то есть все-таки посмотреть, кто я, потому что я уже точно не Александр Михайлович Звягинцев.

Добравшись до витрины, за которой красовались ростовые манекены в строгих платьях, я всмотрелся в свое отражение. На меня растерянно глядел симпатичный высокий парень. Брюнет, волевой подбородок, широкие плечи и V-образный торс с кубиками пресса. Значит, то был не сон. А раз так, нужно срочно думать, что делать дальше.

– Вот он! – до моего сознания донесся старческий голос. – Патруль, сюда!

– Здравствуй, жопа, Новый год, – проговорил я, вкладывая в эти слова отнюдь не переносный смысл.

Сперва из-за пятиэтажки выбежала бабка, которую я видел чуть раньше, а следом за ней... Захотелось перекреститься. Два милиционера. Да-да, не полицейских, а именно милиционера в форме, как в советских фильмах, но чуть модернизированной.

И что делать? Бежать? Сдаваться? Так рук не поднять, они прикрывают естество.

Один мент был невысоким, второй – ну просто дядя Степа с огромной родинкой промеж бровей.

– Безобразничаем, товарищ? – неуверенно выдал длинный, а мелкий заломил мне руки за спину, защелкнул наручники и цыкнул зубом:

– Непорядок. Хотя вдруг это... Вдруг он как в анекдоте. – Мент изменил интонацию: —Возвращается муж из командировки...

Оба захохотали. Отсмеявшись, длинный сказал:

– В отделении расскажет.

Подъехал полицейский... Точнее, милицейский... Бобиком этого тигра язык не поворачивался назвать. Что-то среднее между джипом и хаммером, фигурка бегущего оленя на капоте. Что? «Газель»??? Я думал, скорее Земля сойдет с орбиты, чем наш автопром создаст что-то дельное. Хотя в этом мире автопром совсем уже и не наш – в смысле, не имеющий отношения к моей реальности.

Когда меня затолкали внутрь, я в темноте мало что разобрал. Мысленно взмолился, чтобы не оказалось рядом какого сидельца, который бы мой вид оценил. Машина дернулась, и я повалился вперед, но не ударился, почувствовал что-то мягкое. Донеслось обиженное шипение. А когда зрение привыкло к темноте, я обнаружил себя уткнувшимся в женские сапоги. Дернулся, но кто-то тут же успокаивающе погладил меня по голове:

– Лежи, лежи, красавчик. Все хорошо...

– Хорошо? – слышался чей-то визгливый голос. – Чего хорошего, Маринка? Опять все, что заработали, этим упырям пойдет!

– Ой, да боже ты мой, Ларис, оформят, штраф выпишут да отпустят. А в партию нам и так дороги нет. Так что не говори ерунды... – та, которую звали Маринкой, говорила с ярко выраженным фрикативным «г».

– Ага, легко тебе судить! – возразила визгливая. – У тебя будет первый прокол в фарцбилете, а у меня третий! За третий знаешь, что бывает?

– Страшилки это все, – сказала Маринка. – Никто никуда тебя не выселит, товарищ Шуйский не позволит.

– Да закрой уже рот! – вспылила визгливая, и я понял, что, скорее всего, она не хочет, чтобы ее отношения с товарищем Шуйским обсуждали при мне.

Интересно, о каком билете они говорили?

Я все-таки приподнял голову и увидел, что окружен четырьмя девушками и женщинами разной степени жизненной помятости, расположившимися на лавках вдоль бортов. Из их дальнейшего оживленного спора стало понятно, что девушек приняли в местном подпольном «бардаке».

Более не дергаясь и не опасаясь неприкрытых тылов, я лег на живот, смотрел на носки сапог на высоких каблуках и думал – не про сапоги, а про место, в которое попал.

То, что я в СССР, только в его современном варианте, а значит, в параллельном мире, – ясно. Какой он, этот мир, будем разбираться по ходу пьесы.

Смущало то, что в междумирье казалось понятным и логичным, как такое возможно? Ладно, допустим, наша жизнь – игра, а я жил хорошо, праведно, и мне выпал второй шанс, это я усвоил. Но почему именно мир, где СССР? И если есть такой, то, может, существуют и другие? Тогда правы те, кто утверждал, что вселенных – бесконечное множество.

В моем мире физики до сих пор спорят о том, есть ли мультивселенная. Жаль, не могу вернуться и предъявить доказательства. Какие? Да вот, например, советская проститутка с неким фарцбилетом из 2022 года в сапогах на высоких каблуках, на подошве которых выбита звезда и русским по полиуретановому написано: «Красный октябрь».

Ситуация была настолько абсурдной, что меня начало мелко трясти – то ли от холода, то ли от смеха. В автозаке, набитом проститутками, которые, вполне возможно, были комсомолками, еду я. Голый. Без документов. Без знаний современных реалий. И размышляю о мультивселенной.

– Девчата, – проговорила Маринка, – да он замерз совсем, гля, как трясется. Юлька, дай шубку, накроем его, а то околеет мальчик.

Какой я, на фиг, мальчик... Ах, ну да, мне же всего восемнадцать.

– Да Юлькина шубка ему на один зад, – проговорили басом, и надо мной кто-то склонился – пахло терпкими духами и застарелым табачным дымом.

– На один хрен, – поддакнула писклявая и хохотнула, причем так заразительно, что я и сам издал смешок.

– Девочки, да он тут лыбу давит! Эй! – Басистая курильщица толкнула меня в бок. – Ты чего рогочешь? Мы тоже хотим.

Не в силах остановиться, я пропел дребезжащим голосом:

– Ехал я ухабами, не один, а с бабами. Раз споткнулся об ухаб, – дальше было похабно, и я сочинил от себя: – Потерял одну из баб.

Проститутки захохотали, смех курильщицы выделялся вороньим клетотом.

Мой тыл накрыла теплая ткань. Теперь хоть задница не будет мерзнуть. Я свернулся калачиком, переворачиваясь на бок, прижался к теплым ногам, посмотрел на сидящих напротив: краснолицую даму лет тридцати с осветленными волосами и брюнетку, похожую на королеву разбойников из мультика про Герду. На обеих были колготки в сетку и короткие кожаные юбки.

Снова стало смешно. Если взять абсурд, выпарить из него все примеси, потом долго сушить – то вот эта квинтэссенция бреда и происходила со мной. Жизнь, значит, игра. Ага, КВН. Что ж, сыграем.

– Девочки, за что же вас? – Путаны смолкли, уставились как на дурака, пришлось пояснять: – В СССР же нет секса. Нет секса – нет вас.

Брюнетка с прокуренным голосом запрокинула голову и засмеялась – что боцман в хохоте зашелся.

– Смешной, – оценила блондинка.

Перед моими глазами появилась статья из «Википедии», которую доводилось редактировать – в СССР проституции официально не было, а значит, статья уголовного кодекса тоже отсутствовала. Но ночных бабочек привлекали за другое.

Машина резко затормозила. Послышались хлопки передних дверей, кто-то стукнул, и задние дверцы распахнулись.

– Вылазим, граждане проститутки. И ты, нудист, тоже выходи! Первым!

Я поднялся, насколько позволяла кабина, выполз на коленях и едва устоял на ногах. Пальто, укрывавшее меня, соскользнуло.

– Прикройте его чем-нибудь! – распорядился длинный сержант и отвел взгляд, смутившись.

Брюнетка сняла с шеи длинный зеленый шарф и обмотала вокруг моих бедер, соорудив подобие юбки, со словами:

– Эх, грешно такую красоту от людей скрывать!

Я смутился, уж слишком красноречивыми были ее взгляд и сожаление. Заметно, что ремесло она выбрала по зову... ну да, звезды.

Удалось разглядеть проезжающие по улице машины – знакомых иномарок среди них я не заметил, эти, очевидно, были отечественными, но выглядели добротнo и симпатично.

Тем временем коротышка указал на раздвижные стеклянные двери отделения, над которыми красовались опутанные новогодним «дождиком» красные буквы: «МИЛИЦИЯ».

Слева и справа – современные светящиеся вывески, но не рекламные, а с лозунгами: «СЛУЖУ НА БЛАГО ОТЕЧЕСТВА» и «СИЛА МИЛИЦИИ – В ЕЕ СВЯЗИ С НАРОДОМ!» Эти два лозунга выглядели привычно, а вот еще одна вывеска... Признаюсь, повеяло от нее совсем другим временем: «НЕ БОЛТАЙ! БОЛТУН – НАХОДКА ДЛЯ ШПИОНА!»

Лозунг дал пищу для размышлений – а вдруг меня примут за шпиона? Судя по всему, страна окружена врагами (а когда было иначе?), и такой подозрительный тип – голый и без документов – обязательно вызовет вопросы.

– Вот, тащ капитан, привел! – доложил дежурный и брезгливо затолкал меня в кабинет капитана милиции Тырина.

– Кто таков? – изумился «тащ капитан». – Почему голый? Зимой?

Внешность капитан имел располагающую, исконно русскую: желтовато-пшеничные волосы, большой лоб, правильные черты лица, румянец на щеках, ямочка на подбородке. Примерно так я представлял Ивана из русских сказок, если бы не глаза-скальпели.

- Отвечать, когда тащ капитан спрашивает! – рявкнул дежурный.

- Не знаю, товарищ капитан! Ничего не помню. Возможно, шел, поскользнулся, упал...

- Очнулся – гипс? – скептически поднял бровь капитан Тырин. – А раздел кто? Контрабандисты? Ну-ну. Ладно, присаживайтесь, товарищ Соврамши, разберемся.

- Я не вру, товарищ...

- Сел! – тоном, не терпящим возражений, рыкнул Тырин. И уже спокойнее добавил: – Сказал же, разберемся. Ты точно не курсант? Уж больно выправка характерная.

Я помотал головой.

Более всего здесь меня удивил не паркет, не удобный стул и деревянный покрытый лаком стол, не ровные белоснежные стены, а фотография неизвестного политического деятеля, где обычно вешали фото нашего бессменного президента.

Пока меня фотографировали и «снимали пальчики», я тарачился на нового вождя, перебирая в уме всех известных политиков, которые могли бы стать генсеком, благо память позволяла, но не нашел никого похожего. Да и не застал я то время, мне было десять, когда Союз развалился на Россию и четырнадцать маленьких, но очень гордых республик. Октябренком еще был, а вот в пионеры уже не успел.

Сколько ни глядел на вождя на стене, так и не вспомнил. На вид ему было лет сорок-пятьдесят, узкое лицо, правильные черты, темные с проседью волосы. Чем-то напоминал Машкова, но губы были тоньше. И ведь не спросить, как зовут

неизвестного мне лидера страны, – идиотом посчитают.

Да и не дали мне шанса задать вопрос – вопросы здесь задавал товарищ капитан Тырин.

Получив на все свои вопросы одно и то же «не помню», он поморщился и с дружелюбного «ты» снова перешел на формальное «вы»:

– Значит, говорите, не помните ничего? Ни имени, ни фамилии, ни адреса проживания? – Тырин скептически сморщился и посмотрел на часы. Увиденное ему не понравилось, и он снова начал тыкать, причем без всякого дружелюбия в голосе, наоборот, зло и раздраженно: – Слушай, парень, у меня нет ни времени, ни желания с тобой тут валандаться! Не хочешь по-хорошему, будем по-плохому!

Он уставился пристально, словно хотел просверлить во мне дыру, и я всем своим существом ощутил, что больше всего на свете этот человек хочет домой, посмотреть футбольный матч. Ага, вот как работает «Эмпатия», ради которой я набрал столько фобий! Что ж, забавно и... воодушевляюще. Значит, и второй особый талант при мне...

– За «Динамо» болеете? – брякнул я и прикусил язык.

Однако суровое лицо капитана смягчилось (манипуляция сработала!), во взгляде прочлось некое подобие симпатии, и он проговорил примирительно:

– Не хочешь говорить, посиди, подумай. Задержан до установления личности! – Он что-то чиркнул в бумагах и гаркнул: – Гаврилов!

Дверь приоткрылась, там появился мордатый дежурный.

– Да, товарищ капитан!

– Уведите!

Гаврилов взял под козырек и потащил меня на выход из кабинета следователя. Я настроился на Гаврилова и ничего не ощутил, кроме легкого чувства голода,

которое подстегнуло собственное, и мой желудок не просто заурчал – взревел. Толстое пузо дежурного радостно закурлыкало в ответ. Похоже, наши внутренности поняли друг друга лучше, чем мы сами.

– И это! – окликнул его капитан. – Оденьте его во что-нибудь! Чего он у вас как этот, как его...

– Шотландец, – подсказал я.

– ...клоун! – не воспользовался подсказкой капитан Тырин.

– Так это, че было, в то и упаковали, – объяснил дежурный. – Шлюх из «бардака» как раз загребли, везли в участок, а по дороге этот нудист...

– Понятно, – следователь тут же потерял ко мне интерес.

Дежурный отвел меня в камеру, где мирно дрых какой-то бывший интеллигент с козлиной бородкой, в затрепанном пиджаке и трениках.

Через некоторое время Гаврилов вернулся с окаменевшими от краски штанами, такими же кроссовками производства тольяттинской обувной фабрики и грязной футболкой с надписью «Добро пожаловать на Слънчев бряг!».

– Оденься, нудист, – сказал он.

– Товарищ дежурный, – проговорил я, натягивая штаны. – А где я...

Тот хохотнул.

– В Третьяковской галерее, не видно, что ли? Ну ты в натуре клоун!

Штаны спадали, и я закрутил их на поясе.

– Город какой, вот что я хотел спросить.

– Лиловск. Н-да, парень, вот ты попал! – с сочувствием покачал головой мент.

Расспрашивать, что это за Лиловск такой, я не стал. Ясно, что не Москва и не Питер, то есть Ленинград. Здесь есть хрущевки и более старые дома, значит, он не новый, а в Лиловск переименовали какой-то небольшой городок.

– А Саратов далеко? – спросил я.

– Тысячи две километров отсюда. А с чего это ты о нем вспомнил?

Я сжал виски, помассировал их и соврал:

– Да крутится в голове почему-то.

– Ну, вспоминай.

Дежурный ушел. Одевшись, я ощутил себя рыцарем, защищенным латами со всех сторон и готовым к подвигам.

Растянувшись на холодном полу, я подложил руки под голову. Наконец появилась минутка передохнуть и заняться стратегическим планированием.

Меня не любят – это минус, но и не гонят – это плюс.

Итак, что мы имеем? Я абсолютно свободен от обязательств, у меня нет долгов ни перед живыми, ни перед мертвыми. Моя жизнь – чистый лист. Я пилот полностью заправленного самолета, который может прилететь в любую точку. В любую, Карл!

От понимания закружилась голова. Мне больше не надо перебиваться случайными заработками или ходить на нелюбимую работу. Я волен прожить свою жизнь заново так, как всегда хотел, но не смог.

А чего я хотел?

Вроде бы об этом я уже думал, когда выбирал таланты. И даже решил, кем хочу стать.

Но тогда я не мог слушать сердце, потому что у меня его не было. Бесплотный, я не мог рассуждать душой, только бездушным разумом.

Итак, чего я хочу? Карьеру кавээнщика? Стать профессором экономики? Поступить в институт международных отношений и податься в разведчики? Изобрести лекарство от рака? Ага. Нацепить фрак (халат), посадить себя в клетку и воткнуться в бумаги.

А может, тогда просто радоваться каждому дню и жить на полную катушку?

Эй, Александр Звягинцев, то есть Нерушимый, чего ты хочешь? Чего ты хочешь всем сердцем, так, чтобы до ломоты в зубах?

В глубине души шевельнулся ребенок – тот самый, что очень-очень давно на соревнованиях отбил пять мячей подряд и спас команду. Он помнил, как ребята напрыгнули на него и повалили, их глаза светились счастьем, и он сам был счастлив. Большого счастья я не испытывал никогда. Точнее, не испытывал такого открытого искреннего счастья.

А после того, как сказал тренеру, что ухожу из спорта, вечером, укрывшись одеялом, я с трудом сдерживал слезы. Потому что мамина кровать находилась в этой же комнате, отделенная от моей шкафом, и проявлять слабость было нельзя.

Вот чего я хочу – играть в футбол. А еще хочу увидеть, как миллионы соотечественников выбегают на улицу, обнимаются, угощают друг друга пивом, когда наша сборная пройдет... ну, хотя бы в полуфинал чемпионата мира. О большем не мечтаю, ведь футбол – командная игра, не все зависит от одного человека.

Решено! Строю карьеру футболиста. Безумие? Ха! А то, что со мной произошло, не безумие?

Почти убедив себя, заколебался. Саня, ты серьезно? Ты же столько всего можешь сделать хорошего с такими возможностями – и для себя, и для страны, и для всего человечества! А ты собрался мячик гонять?

Мотнув головой, я никак не мог отделаться от картинки: вот я выхожу на поле вместе с командой. Мы встаем в круг, обняв друг друга за плечи, потом расходимся по позициям. Я встаю в ворота...

Я улыбнулся, представив свою команду на футбольном поле. Пусть не сборную, пусть даже рядовой клуб из Второй лиги, ворота которого я защищаю, и у меня перехватило дух и замерло сердце!

«Лучший в мире»...

От перспектив я не смог дышать. С таким талантом мечты станут реальны.

Я представил финал чемпионата мира, нашу сборную на поле со мной в воротах, летящий в мою дальнюю «девятку» мяч...

«Прыжок!.. Да! Нерушимый намертво берет мяч!» – заорал бы в восторге комментатор.

А потом, как в 2018-м в моем мире, жители моей необъятной Родины ликуют, выходят на улицы. Незнакомые люди, объединенные нашей победой, обнимаются, угощают друг друга пивом и коньяком.

Осталось всего-то понять, как отсюда выбраться и что делать дальше. Если в этом Союзе все так же строго, как было в том, нужно сделать документы, прописаться, устроиться на работу и... как-то пробиваться на просмотр в местный клуб. Интересно, а в этом городке вообще есть футбольная команда? Что-то не слышал я ни о каком клубе из этого городка в моем мире...

Черт, а ведь по спортивным меркам я уже динозавр! Пацаны с пяти лет навыки нарабатывают, а я последний раз играл в десятом классе. Сперва надо вспомнить, что да как, ведь на «самом лучшем» далеко не уедешь, я таковым могу быть только раз в неделю, а на следующий день выпадать из жизни. Надо бы записаться в футбольную секцию, показывать себя там, заодно вспоминать навыки, а потом уже в клубы на просмотры рваться...

Кстати, неплохо бы опробовать второй особый талант. Вот только как? Стать самым лучшим взломщиком и свалить отсюда? Ага, поймают, а потом

потарахтеть в Магадан лет на пять, а то и десять – наверняка все висяки на меня сбросят. Сделаться самым убедительным и уболтать себя выпустить? Так менты по уставу работают – не получится.

Загипнотизировать их, заставить забыть случившееся? Ага, размечтался. Здесь хоть и Советский Союз, да только двадцать первый век на дворе – меня уже оформили, и я есть в базе.

Ладно, отложим до лучших времен. Я прошелся по камере, глянул за решетку. С моей стороны было три зарешеченные двери, напротив – три глухие. Две камеры наблюдения в разных концах коридора. Что-то много тут помещений – видимо, с криминалом не очень.

Интересно, а где проститутки, которые со мной ехали? Заплатили штраф, и их отпустили?

Эх, не надо было тупить и светить голым задом в общественном месте. Спрятался бы быстренько – авось обошлось бы. А теперь что? Я в сердцах пнул решетку.

Вот тебе и тема для размышления. Оцени простор для полета мысли!

Время было вроде то же, да не совсем. Страна была другая. Не Россия. Но и не тот СССР, который я смутно помнил. В книгах я вычитал термин – точка бифуркации. Переломный момент, когда знаковые события идут по другому пути, рождая новую ветку реальности.

Где отправная точка? Не у алкаша же спрашивать.

Видимо, случилось это не так давно, потому что есть привычные глазу хрущевки, зато нет сочащихся кичем кривобоких уродцев девяностых, да и современные здания добротные, все оконные рамы в одном цвете. Судя по машинам на дорогах, люди тут живут небедно. Вот только что за марки авто? Неужто автопром так развился?

Не веря себе, я потрянул головой. Неужели я в улучшенной версии мира? Там, где нет межнациональной розни среди советских народов? В мире, где мне можно

пройтись по Дерибасовской и в Эстонии возложить цветы к памятникам воинам-освободителям? Где еще в цене семья, друзья, честь? Где решают интересы не олигархов или продажных чиновников, а Родины?

Разве не этого хотелось каждому, кого печалил развал великой страны? Или в этой версии СССР все только с виду так хорошо?

Вспомнился капитанов смартфон неизвестной модели, логотип подсмотреть не удалось. На мой пораженный взгляд он с какой-то гордостью сказал: «Ирва-десятка!»

Конечно, во мне тут же разыгралось любопытство! Какие отличия этого мира от привычного? Где провели чемпионат мира по футболу в 2018-м? Написал ли Джордж Мартин «Песнь льда и пламени»? Какие тут звезды на эстраде? И вообще, какие отношения у этого СССР с так называемым цивилизованным миром?

Но естественное любопытство было тут же придавлено грузом насущных проблем и вопросов. Если сначала меня накрыла эйфория, то теперь я взглянул на ситуацию более трезво.

Без имени, без адреса, без денег, работы и без каких-либо документов! Без бумажки я какашка, звать меня никак, и, что делать дальше, непонятно. Если мою личность не установят, что тогда? Попасть в какой-нибудь ЛТП мне совершенно не улыбалось. ЛТП – это лечебно-трудовой профилакторий, куда в моем Союзе насильно отправляли алкашей и наркоманов.

Ну спасибо, богиня, удружила! Со злости я опять стукнул по решетке, и появившийся мент призвал меня к порядку. Алкаш всхрапнул и перевернулся на другой бок. Вот что неизменно в моей стране, так это колдыри. «Пьют и воруют», – вспомнил я крылатую фразу авторства Розенбаума, ошибочно приписываемую Карамзину. Очень хотелось верить, что второе изменилось в лучшую сторону.

Помаявшись, я вдруг почувствовал, что смертельно хочу спать. Сунул ладонь под щеку и сразу вырубился. Не каждый день доводится умирать и оказываться в параллельной реальности, да еще в таком неприглядном виде.

Проснулся от того, что моего соседа по камере куда-то выводили, после чего я, недолго думая, перелег на лавочку и сразу же отключился снова, а во второй раз открыл глаза от стрельбы.

Глава 3. Кажется, вечер перестает быть томным

Выстрел повторился. Я слетел с лавки, дезориентированный, завертел головой.

Что? Где? Решетка? Я в тюрьме? Но за что, это ведь меня пытались убить!

Сориентировался, только когда в коридор спиной вперед вошел амбал в черной куртке до колен, с автоматом, в маске-балаклаве, сделанной из черной шапки. Следом вбежал верткий мужичок, тоже в маске, со связкой ключей.

Что еще за маски-шоу? Вооруженное нападение на отделение милиции – это вам не шутки. Как им удалось? Их там целый взвод, что ли? Что им нужно?

– Назад! – рыкнул мне амбал, пока мелкий открывал камеру напротив.

Я сосредоточился на одном налетчике, на втором. Амбал жаждал крови, мелкий боялся и хотел побыстрее отсюда убраться и отпирал камеру напротив, постоянно оглядываясь. Ага, значит, не «что», а «кто». Клацнул замок, скрипнули петли, и, разминая запястья, из камеры вышел высокий узколицый коротко стриженный парень со взглядом матерого хищника.

– Братаны, – проговорил я, не особо рассчитывая на успех, вцепился в решетку, – выпустите, а? А то ваще край.

Мелкий не глядя кинул мне связку ключей. Звеня, она проехала на середину камеры.

– Лови, терпила.

Я подождал, пока налетчики исчезнут, подобрал ключ и открыл замок.

«Сиди на жопе ровно, – велел инстинкт самосохранения. – Хотя в этой жизни не нарывайся». Но меньше всего я мечтал о еще одной тихой серой жизни. По совести так по совести. Пусть армия для меня ограничилась военными сборами, собирать-разбирать автомат я научился и, пока остальные будущие офицеры запаса хрены околачивали, стрелял по мишеням. А теперь... нет, не товарищи в прежнем моем понимании из прошлой жизни, но все же товарищи, в опасности, и мой долг – помогать им.

Правда, пока не узнаю, что произошло, непонятно, что делать. Вдруг всех ментов перестреляли на фиг? Да нет, пары выстрелов для перестрелки маловато. Бред какой-то.

Я беспрепятственно добрался до опустевшего пункта дежурного, больше похожего на современный в моем мире ресепшн, заглянул за стойку и, не обнаружив трупа, выдохнул с облегчением.

Действо разворачивалось на улице. Три милиционера столпились у распахнутой двери, капитан Тырин целился из пистолета. Незнакомый офицер положил руку на его плечо и прошептал:

– Не стреляй! Промахнешься – они ее убьют!

Видимо, случился захват заложника. Похоже, этот Советский Союз еще дальше от того, который я помнил, и еще меньше похож на исходник, чем мне представлялось поначалу.

Дежурный Гаврилов, сжав окровавленную голову, сидел, опершись о стену. Рядом валялся пистолет. Так, для человека с простреленной башкой он слишком бодр. Похоже, его просто ударили.

От грохота крови в висках я перестал слышать прочие звуки. На ватных ногах подошел к ментам, которые глянули на меня и отвернулись, даже не попытались прогнать или упрятать за решетку.

Перекрывая выезд хаммерогазелям, припарковались две черные машины неизвестных марок. Возле ближайшей стоял мужчина без маски, целящийся из пистолета в голову крупной женщины в милицейской форме. Руки гражданка держала над головой. Сам злоумышленник был едва виден за затемненным

стеклом распахнутой дверцы его авто. Причем он, как подсказала «Эмпатия», жаждал смерти этой женщины и намеревался ее прикончить при любом раскладе.

Сердце забилось часто-часто. Вот он, шанс отличиться и испытать второй особый талант!

Я на миг зажмурился и мысленно сформировал запрос:

Хочу быть лучшим в мире стрелком.

По позвоночнику будто заструился жидкий огонь, зрение стало четким, чувства успокоились.

Я сглотнул, шагнул к Гаврилову, который явно был в шоковом состоянии, поднял валяющийся чуть в стороне пистолет.

Оценив ситуацию, я понял, что мне проще простого перестрелять преступников. Правда, в одиночку я не справлюсь, а как среагируют милиционеры на мою инициативу – богиня его знает.

Глаза боялись, а руки делали. Я встал рядом с Тыриным, прицелился.

– Охренел? – покосившись, рявкнул капитан Тырин, держащий кого-то на прицеле.

– Работаем, товарищ капитан! – прошептал я. – Вы валите амбала с автоматом, потом – мелкого. Я возьму террориста с заложником. Стреляем, когда освобожденный преступник сядет в машину.

– Ты чего раскомандовался, пацан? – зло прошипел Тырин.

Я поделился планом:

– Я стреляю. Террорист падает. Женщина прыгает вперед, и милицейская машина защищает ее от выстрелов.

– А если...

Я вскинул пистолет, прицелился в террориста, который, гад, полностью исчез за затемненным стеклом. А если оно пуленепробиваемое? К тому времени процессия: амбал, мелкий и длинный зэки, – добралась до второго авто, длинный плюхнулся на заднее сиденье, любезно распахнутое мелким. Башка моей цели высунулась над стеклом, и я одновременно нажал спусковой крючок и крикнул:

– Огонь!

Ухнул мой выстрел, следом эхом отозвался выстрел Тырина. Террорист дернулся, заваливаясь, заложница перехватила его руку с пистолетом, и сведенный судорогой палец отправил вверх пулю, предназначавшуюся женщине. Потом заложница ударила захватчика локтем в висок и, вместо того чтобы спастись, забрала пистолет, выстрелила пару раз в салон машины и прыгнула назад, прячась за милицейским фургоном.

Амбал, прикрывавший отход длинного, распластался, упав навзничь, а мелкого капитан Тырин лишь ранил, и он укатил на машине с длинным. Автомобиль, на котором приехал террорист, остался стоять – освобожденная заложница расстреляла пассажиров и водителя.

Менты засуетились, группа захвата, которая приняла меня, забегала вокруг хаммерогазелей со спущенными колесами. Я закрыл глаза и съехал спиной по стене. Получилось!

А еще я убил человека...

Звуки слились в монотонный гул. В себя меня привела звонкая пощечина.

– Проходите, гражданин Соврамши! – гаркнул мне в лицо капитан Тырин. Опомившись, добавил: – Ствол верни.

Я вложил табельное оружие ему в руку, а он вернул Гаврилову. Тот что-то пробубнил, а по моей спине ударила пятерня Тырина. Заглянув мне в лицо, он рявкнул:

– Это самоуправство! А если бы палец дрогнул, мать-перемать, пацан, ты...

Поток его ругательств, вполне цензурный, но все же настолько хитро выстроенный, что матерное слово угадывалось в каждой проглоченной паузе, оборвался лишь тогда, когда мы зашли в его кабинет, и я ответил, уже усаживаясь в кресло:

– Выбора не было, товарищ капитан, – почти не соврал я. – Они собирались убить вашу сотрудницу.

Он бросил на меня хлесткий взгляд.

– Откуда знаешь?

А вот теперь пришлось врать:

– Слышал, когда они открывали того длинного.

– «Длинного», – передразнил Тырин. – Да ты знаешь, чей это сын? Впрочем, ты и о себе якобы ничего не знаешь... – буркнув это, он махнул рукой, пожевал губами, а потом ткнул в меня пальцем и тоном государственного обвинителя задал вопрос: – Но стреляешь белке в глаз и имеешь выpravку офицера. Кто ты такой, гражданин Соврамши?

– Гражданин великой страны, – отчеканил я. – Помню, товарищ капитан, что мой святой долг и обязанность защищать Родину, ее граждан и помогать правосудию.

– Допустим, – хмыкнул он, включая компьютер.

И тут я вспомнил, что в коридоре камеры, которые должны были зафиксировать, что говорили налетчики! Видимо, это Тырин и собрался посмотреть...

И посмотрел. Звука, на мое счастье, в записи с внутренних камер наблюдения не оказалось.

Я выдохнул и откинулся на спинку стула, закрывая глаза. Сцепил в замок трясущиеся пальцы.

Без стука в кабинет ворвалась заложница, майор милиции, между прочим, и гаркнула:

– Тырин, твою мать, чего расселся? Скоро тут будут все, включая... – Она бросила на меня злобный взгляд, и Тырин объяснил:

– Спаситель ваш, товарищ майор. Это он решился на первый выстрел.

Женщина опешила, захлопала глазами, но быстро сориентировалась и проговорила:

– Выражаю вам свою благодарность...

Я пожал плечами.

– Журналистам скажете, что это Гаврилов застрелил террориста. И вам хорошо, и ему премия. Оружие-то я у него взял...

– Гар-рилов! – проглотив букву «в», рявкнул Тырин так, что у меня чуть перепонки не полопались.

Когда появился мордатый дежурный с волосами, слипшимися от крови, капитан указал на меня:

– Сопроводи его в камеру! – Чуть смягчившись, Тырин обратился ко мне: – От всего отдела выражаем вам благодарность. И приносим извинения за то, что придется еще немного посидеть.

Меня опять заперли. Н-да, все-таки обращение на «вы» не лучшая компенсация. Не успел я додумать мысль, что то ли Бэтмен из меня не очень, то ли менты – твари неблагодарные, как явился Гаврилов уже с забинтованной головой, принес на разделочной доске хлеб, сыр, бледно-розовые кругляши колбасы-варенки, треугольную упаковку кефира и сказал извиняющимся тоном:

- Ты голоден? Вот.

Он просунул угощение под дверь и объяснил:

- Мы договорились между собой и всем говорим правду. Что это не я застрелил преступника, а ты из моего табельного оружия. Меня по голове тук, я упал, и в отключку. Ты пистолет хвать, ну и все.

Что ж, ожидаемо. На камерах-то зафиксировано если не все, то многое. Табельное оружие в руках постороннего, тем более задержанного - должностное преступление.

- Там журналистов понаприехало - мама родная. И начальства какого только нет. Вроде тебя хотят видеть.

- Кто? Начальство? - насторожился я.

- Журналисты.

- И что мне можно будет рассказывать, кроме того, что вас по голове ударили?

- Правду. Очнулся - гипс. - Он виновато пожал плечами.

Я представил, как будет выглядеть правда из моих уст. Дорогие граждане! Я гость из мира победившего капитализма, которому высшая сущность дала второй шанс и два таланта и переместила сюда... Доктор, куда вы меня ведете? Что это за инъекция?

- Просто иначе... - продолжил оправдываться Гаврилов. - Ну, если всю правду... Табельное оружие, виноват. Но подвиг мне приписывать нечестно.

Моя челюсть с шумом упала на пол. Хотелось переспросить, не ослышался ли - я готов поверить в богиню, в перерождение, в беременную от инопланетян бабку, но не в это.

Мент говорит «нечестно» и отказывается от халявного подвига, а значит, и от премий, звезд на погонах и орденов? Твою мать, что за рафинированный мир?

«Не надо мне рассказывать про честного мента, ментов я разных видывал, но честных – никогда». Раки на горе животы надорвали. Земля, икнув, сменила полярность. Они тут все такие? Или только Гаврилова в детстве головой вниз часто роняли?

Я представил себя, эдакого бомжа, окруженного журналистами, и выругался. Мент понял мою злость по-своему, похлопал по плечу и сказал с придыханием:

– О тебе теперь в газете напишут. По телеку покажут. Хорошо же! Конечно, если нечего скрывать. – Он подмигнул. – Я за одеждой для тебя.

Пока его не было, я набросился на колбасу. Откусил, прислушался к ощущениям и... зажмурился от удовольствия. Докторская! Едал я и получше, но накатила ностальгия – вкус был тот же, что в детстве. Сыр тоже удивил, это был очень приличный пармезан или нечто похожее. Я покрутил в руках треугольник кефира и зубами оторвал верхушку. Выпил почти залпом.

Однозначно, жизнь налаживается. Теперь они просто обязаны меня отсюда выпустить.

Вскоре вернулся Гаврилов с Тыриным, капитан протянул мне черные брюки, я поискал взглядом, где можно переодеться, и плюнул. Они меня голиком видели, вот же проклятая зажатость! Брюки оказались коротки. Менты переглянулись, и Тырин сказал:

– Сойдет. По пояс будет фотографироваться. А футболка пусть эта остается.

– Ему бы причесаться, тащ капитан, – проблеял Гаврилов, но тот махнул рукой и обратился ко мне:

– Ну что, Александр, готов?

Я кивнул, пятерней пригладил жесткие непослушные волосы.

– А откуда вы знаете мое имя... как?

– Идем. Товарищ майор потом расскажет. А зовут тебя, короче говоря, Александр Нерушимый.

По базе пробили? Но это невозможно, я только появился в этом мире. Или божество позаботилось и создало мне прошлое?

Мы поднялись на второй этаж, Тырин постучал в дверь с табличкой «Начальник отделения», и мы вошли в кабинет, где на стене висел все тот же неведомый вождь.

Мои мысли, расстрелянные щелкающими фотоаппаратами, разбежались тараканами по закоулкам разума. Я инстинктивно прикрыл глаза, ожидая вспышки, но их не последовало.

За лаковым столом сидела женщина-майорша, вырванная из лап террористов. Крашеная блондинка с туго собранным пучком волос. Лицо грубоватое, но не без изюминки. Чуть раскосые глаза, взгляд с поволокой, упрямо поджатые ярко накрашенные губы. На вид – лет сорок. Вряд ли старше – кожа на чуть приоткрытой груди и шее выглядела молодой, лицо было хоть и слегка поплывшим, но без пигментных пятен и морщин.

Она начальник отделения?!

Видимо, она уже многое рассказала репортерам, а их было четверо: пожилая женщина, похожая на сушеную тарань, рыженькая толстуха, бойкая шатенка лет тридцати и мужчина с седыми усиками, в клетчатых брюках и таком же жилете. Они загомонили, протягивая ко мне микрофоны. Майорша хлопнула по столу и гаркнула:

– По очереди, пожалуйста.

Моя спина одеревенела, я замер под прицелом фотоаппаратов, вспоминая первый свой стендап. Тогда казалось, что каждое слово звучит фальшиво.

– Скажите, Александр, а вы правда ничего не помните? – пошла в атаку шатенка, стараясь подобраться ко мне поближе.

– Ничего. Я свое имя узнал только что. По... – Тьфу ты, чуть не ляпнул «полицейские»! – Милиционеры сказали.

– Если так, как же вы смогли... обезвредить преступника? – спросила она делано озабоченно, а добавила уже обвиняюще: – Вы не должны помнить, что умеете стрелять!

– Наверное, это мышечная память, – ответил я, понемногу набираясь смелости. – Я не был уверен, что у меня получится, все как-то само собой произошло. Растерялся, а дальше руки уже сами все сделали.

– Выстрел, надо сказать, был мастерский, – подала голос спасенная майорша. – Интересно, откуда такие навыки?

– Не помню, – пожал я плечами, виновато улыбаясь.

– Наверное, вы мастер спорта по стрельбе? – спросила старуха-тарань. – Каждому бы так теряться! Так растерялись, юноша, что матерого рецидивиста одним выстрелом уложили!

Она это так сказала, словно тот был кабаном или лосем, а не человеком. Какая разница, матерый он или нет? Никто не бессмертен.

– Не помню, – повторил я. – Просто услышал, как те два преступника говорили, что заложницу в любом случае убьют, и решил выполнить свой долг. Может, мне просто повезло.

– Похвально! – произнес мужчина. – Это героический поступок! Мы все надеемся, что память к вам вернется.

Расспрашивали они меня недолго. Еще по разу сфотографировали, и Гаврилов проводил меня в камеру, говоря:

– Потерпи немного.

– Откуда вы узнали мое имя? – спросил я.

- Документы нашли, - бросил он, уходя.

«Немного» растянулось на несколько часов. Наверное, на место ЧП слетелось начальство всех мастей, а значит, нужно запастись терпением. После еды начало клонить в сон, я прилег на лавку, и меня сморило. Сон снился благостный: море, песчаный берег, лето. Я, Алена и наш сын, которому лет пять.

Но досмотреть сон не дали, меня вероломно растолкал капитан Тырин. Надо же, сам явился!

- Товарищ майор хочет с тобой поговорить. Но прежде придется вернуть мне штаны.

- И не стыдно жалеть для героя жалкие ношенные штаны? - пожурил его я, переодеваясь в спортивный костюм.

Мои слова не смутили капитана Тырина. Он забрал брюки и отрезал:

- Они тебе все равно коротки!

После чего повел меня на выход, а затем - на второй этаж, где пару часов назад я встречался с журналистами. Начальствующая особа, товарищ майор, смотрела в экран монитора, щелкая мышкой.

Когда я вошел, уставилась пристально. Решив не играть в гляделки, я отвернулся и уселся в кресло напротив рабочего стола.

- Еще раз добрый вечер, товарищ майор!

- Добрый, добрый... - задумчиво произнесла она. - Меня зовут Ирина Тимуровна Джабарова. И я очень благодарна тебе за решительность. А вот как мне тебя звать, парень? Докладывали, что ты даже имени своего не помнишь?

Чего она хочет добиться? Выяснили же имя.

- Ваши люди вернули мне немного памяти. А еще я сам вспомнил, что мне восемнадцать лет.

Длинная изящная бровь Ирины приподнялась.

- Ну-ка, ну-ка... Что-то еще?

- Нет, - горько сказал я. - Очнулся утром голый. Не понял даже, где я, где-то на улице, а на какой, в каком городе? При мне не было ничего. Попытался узнать у прохожих, где я, как ваши ребята подъехали, затолкали в машину и привезли сюда.

- Значит так, Саша Нерушимый. Картина примерно понятная - загулял где-то, напоили или напичкали чем-то, ограбили и выкинули. По базе пробили - ни в чем ты не замешан. А после предотвращенного преступления кого тут только не было - пришлось тебе задержаться. А теперь ты свободен.

И все? Так просто?

Я шумно выдохнул, откинулся на спинку стула и улыбнулся:

- Спасибо, Ирина Тимуровна! А я уж испугался, что мне Новый год в отделении придется встречать!

- А есть за что? - Женщина посмотрела пристально, сощурила глаза.

- Никак нет!

- Вот и я так думаю. Можно было бы, конечно, помариновать тебя на тему шпионажа, но на шпиона ты не очень похож. Это халтура какая-то, а не шпионаж! Ишь ты, поленились даже одеждой обеспечить, еще и без документов отправили - отлично забросили!

Она мелодично рассмеялась, я снова улыбнулся. А еще шире мои губы растянулись, когда Ирина положила на стол какую-то красную книжицу, явно документ, и подвинула ко мне.

- Это твое?

Все еще опасаясь подвоха, я накрыл его рукой, перевернул. На красном фоне – золотистый герб Советского Союза. Вверху: «СССР». Внизу: «Паспорт». Я такие только на фото видел, в руках никогда не держал. Шершавый на ощупь, открывался он неохотно, словно был совсем новым. Нерушимый Александр Михайлович. Год рождения – 2004-й – не мой, а вот день тот же: девятое июля. Физиономия не моя, но надо привыкать. Ого, место рождения: с. Кунашак, Кунашакского района, Челябинской области. Выдан Кунашакским ОВД, причем в этой реальности паспорта выдавали с шестнадцати, а не с четырнадцати лет.

– Бдительные граждане нашли недалеко от того места, где тебя взяли, и принесли в отделение, – объяснила Ирина Тимуровна. – Пожалели тебя грабители.

– Скорее пошутили.

– Фамилию сам выбирал? Родительскую сменил на более звучную?

Я мысленно улыбнулся ее попытке поймать меня на вранье и пожал плечами:

– Не помню. Ку-на-шак – это вообще что такое?

Может, в селе я родился, а жил в более продвинутом месте? Я пролистал до места прописки: Челябинская область, село Кунашак, улица такая-то, дом такой-то, комната 4. Общага? Неважно, важно, что я оттуда выписан.

– побыстрее бы тебе вспомнить, зачем ты сюда приехал, да прописаться, на работу устроиться. Иначе, – она подалась вперед, и в голосе звякнул металл, – статья 209. Тунеядство.

В памяти всплыло, что, если гражданин не трудился во благо Родины более четырех месяцев, ему светила 209-я уголовная статья «Тунеядство» и срок от двух до пяти лет. Но мне скорее грозило загреметь в армию. Два года терять совсем не хотелось.

А вот и неприятные моменты. Интересно, как тут с налогом на бездетность и сложностями, с которыми сталкиваются неженатые при построении карьеры?

– Тебе хоть переночевать есть где? – поинтересовалась майорша. – Может, что-то помнишь о родственниках, близких? Семья?

Спрашивала вроде бы без особого интереса, для проформы, но, посмотрев на нее, я смекнул, что нужно быть очень осторожным, думать над каждым словом, а то и в самом деле в шпионы запишут.

Я отрицательно покачал головой. Ирина Тимуровна задумчиво кивнула, потарабанила наманикюренными пальцами по столешнице. Казалось, она ощупывает меня, и встряхивает, и выворачивает карманы заскорузлого спортивного костюма. Я настроился на Ирину Тимуровну, чтобы понять, чего она хочет, и оказалось, что единственное ее желание – поскорее отсюда уехать и лечь спать.

– Значит так, Саша. Сейчас ты ознакомишься с протоколом и подпишешь его. И отвезу-ка я тебя на дачу, поживешь пока у меня, а там, глядишь, и память вернется.

– Буду очень благодарен, – улыбнулся я и взял распечатку.

В документе было подробно описано, как я очнулся на улице голый. На втором листе канцелярским слогом изложили мой подвиг, было лишь одно отличие: контуженый Гаврилов и пистолет, валяющийся на полу. Поставил подпись напротив графы «с моих слов записано верно». Дата стояла – двадцать второе декабря две тысячи двадцать второго года.

Ирина Тимуровна забрала бумаги, положила в ящик, встала. Она оказалась одного со мной роста и богатырского сложения: грудь, как ведра, задница в два обхвата, ноги – колонны, но при этом у нее была довольно тонкая для такой комплекции талия. Вспомнилось: «Слона на бегу остановит и хобот ему оторвет». Как бы мой хобот не пострадал.

– Тогда идем. – Она устало улыбнулась.

Окно было занавешено, но даже сквозь шторы просвечивал фонарь. С улицы доносились шум моторов и женский смех.

Еще немного, и я увижу главное кино своей жизни – какой он, современный Советский Союз. Главное – потому что в этом фантастическом фильме мне предстоит жить.

Глава 4. Я вся такая внезапная...

В сопровождении майора милиции Ирины Тимуровны Джабаровой я вышел на улицу. Мы миновали стоянку, где остался единственный дежурный милицейский автомобиль, остальные патрулировали окрестности. Машину налетчиков, видимо, увез эвакуатор. Я заметил на асфальте почерневшую лужицу крови, стекольную крошку. Память подсказала, что сюда упал подстреленный Тыриным амбал.

С другой стороны двухэтажной сталинки была стоянка для автомобилей сотрудников отдела, где у фонаря грустил каплеобразный серый паркетник. Мы направились к нему. Увидев на его капоте красно-серебристый трапециевидный значок ЗАЗ, я чуть глаза не потерял. Вот это чудо техники – «запорожец»? Без шуток?

Когда сели внутрь и завелись, оказалось, что таки да, «запорожец», но совсем немного. Торпеда выгорела от солнца, звукоизоляция так себе, сверчок, и не один, а вот мотор хороший, тихий. А еще чувствовалось, что эта машина – вещь, она не из жести, а из настоящего металла. В общем, гораздо надежнее моей «Лады-Гранты».

Шла машина мягко, в повороты вписывалась как влитая. Так и хотелось сесть за руль.

– Хорошая машинка, – проговорил я.

Майор Джабарова фыркнула:

– Смеешься? Я бы взяла сорок четвертую «Волгу», она на века. Кожаный салон, климат-контроль, массажер в водительском сиденье. – Она помассировала шею в области седьмого шейного позвонка, намекая на проблемы с позвоночником. –

Но госслужащим не положена роскошь.

Так и подмывало спросить, кому положена и на каких машинах ездят народные депутаты и секретари обкомов, но я лишь вздохнул:

- Я бы и от такой не отказался.

- У тебя есть права? - удивилась она.

- Прав нет, по крайней мере, при мне, но я понимаю эту машину. Помню последовательность действий. - Я жестом имитировал поворот ключа зажигания. - В общем, знаю, как водить.

- Ну, пробьём по базе и, если есть права, восстановим.

Не особо рассчитывая на ответ, я решил спросить то, что плотно засело в голове:

- Ирина Тимуровна, а что за люди совершили вооруженный налет на отделение? Это ведь... немыслимо! Они освобождали какого-то криминального авторитета? Ему грозил расстрел?

Заодно и узнаю, есть ли тут смертная казнь.

Ирина Тимуровна недобро улыбнулась. Перестроилась в правый ряд, зубами достала сигарету из пачки. Я вовремя сориентировался, схватил зажигалку возле рычага переключения скорости, поднес ее к сигарете. Потянуло табачным дымом, и хозяйка авто опустила стекло.

- Когда те двое открывали камеру, - продолжил я, - здоровяк сказал: «Он ее завалит при любом раскладе». Я поначалу не понял кого, но потом все стало ясно. Кто эти люди?

Отвечать ей не очень хотелось, и она попыталась сменить тему:

- Ты лучше расскажи, как тебе удалось выйти из камеры.

– Не поверите. Попросил, чтобы меня выпустили, – пожал плечами я. – Не думал, что сработает, но мелкий бросил связку ключей. Так кого они освободили? Для вора в законе слишком молод. А капитан Тырин потом говорил: «Да ты хоть знаешь, чей это сын?»

Майорша за раз втянула в легкие полсигареты, подумала немного и сказала:

– Это моя недоработка. У меня сегодня приемный день. Ну, люди заранее записываются, приходят, высказывают претензии лично. Записался один предприниматель с жалобой, что вяло его дело расследуют. Ну, я без задней мысли приняла его. А он оказался подставной. Скрутил меня, завладел табельным оружием, сказал, если буду рыпаться, пристрелит, и что в пятиэтажке напротив снайперская лежка. – Она глубоко затянулась, поджала губы. – Я должна была сопротивляться, но... да, струсила. Очень уж жить люблю. Потом его подельники подъехали, поставили условие: моя жизнь в обмен на Карасева. А дальше ты видел.

– Так чей сын тот длинный? – повторил я, когда она смолкла.

– Так Карасика же, криминального авторитета, которого крышует Шуйский. Я год этого гаденыша разрабатывала, у него совместный бизнес с сынком Шуйского – бухло, шлюхи, наркота. Думала сперва младшего Шуйского прижать, а потом через щенка – папашу, почти расколола Карасева, – она в сердцах ударила по торпедке, – а не вышло, отбили своего молокососа. Ищи его теперь.

Ясно. Сын местного депутата и отпрыск бандюка замутили «бизнес». Отпрыск бандюка подставился, его взяли и, как говорится, начали колоть, копать под партийного босса, или кто он там. Шуйский... О нем я слышал от проституток. Значит, это какой-то местный царек, скорее всего, он сидит в правительстве. А Джабарова-то, выходит, идейная!

– Думаете, уйдет беглец?

– На дно точно ляжет.

– Вам чем-то грозит этот инцидент? – осторожно поинтересовался я.

– Не знаю. Это зависит уже не от меня. Могут лишить звезды и понизить в должности. Могут спустить дело на тормозах.

Говорила она как-то отстраненно, и я не стал отвлекать ее от дороги, замолчал. Где-то слышал: чтобы понять человека, нужно посмотреть на него за рулем. Ирина Тимуровна вела машину очень уверенно, можно сказать, властно, и многословием не страдала. Никакой нервозности, словно не ее едва не убили несколько часов назад.

Прилипнув к стеклу, я изучал новую локацию. То есть город, где предстоит жить. Фотографическая память, перешедшая в новое тело вместе с разумом, опознала несколько центральных зданий, и я догадался, под каким названием знаю Лиловск.

В моем мире в нем наблюдался отток населения – за тридцать лет после развала Союза количество жителей сократилось со ста шестидесяти до сотни тысяч. В этом депрессивном (в моем мире) городке жил мой виртуальный знакомый, с которым мы вместе рубились в «Ваху», он вечно жаловался на убитые дороги, говорил, что ямы нужно объезжать по обочинам.

Здесь все было иначе. Никаких ям. Дорога ровная, машина ни разу не подпрыгнула, шуршит себе шипованными колесами по асфальту. Деревья вдоль дороги украшены, светятся. Фонари странные, продолговатые, оранжевый свет дает ощущение тепла.

Магазины все в одном стиле: затемненные стеклянные витрины на первых этажах, покупатели входят-выходят через разъезжающиеся автоматические двери. Есть и лавки, и магазинчики поменьше – вряд ли это все государственное. Судя по всему, ехали мы через центр: все здания привычны глазу, есть и старинные деревянные, есть и новостройки – непривычные, эстетичные, белые, похожие на сталинские высотки, но их мало. Вдалеке видны строительные краны.

Как и в привычной реальности, вдоль дороги билборды, но очень продвинутые. Поначалу я даже подумал, что голографические, изображения на них были объемные: «ВСТРЕТИМ НОВЫЙ ГОД НОВЫМИ ТРУДОВЫМИ ПОБЕДАМИ!», «ЛИЛОВСКИЙ РАЙОН – ЛИДЕР ПО НАДОЯМ МОЛОКА», «ГОРДИМСЯ УДАРНИКАМИ ТРУДА!»

Хотелось протереть глаза, но я знал, что это не поможет. Неужели я попал в мир Полдня? Или, как в том анекдоте, есть нюансы в виде бандитов и гнилой системы?

Еще один нюанс обнаружился, когда мы проехали частный сектор, застроенный старыми деревянными домами, и вырулили на мост через реку. Слева на холме, подсвеченный снизу, будто бы вознесся и парил над землей старинный храм из красного кирпича.

- Офигеть, - непроизвольно вырвалось у меня.

- Что-что? - не поняла майорша, глянула искоса.

- Красиво, говорю. Храм как будто плывет в облаке света... Ирина Тимуровна, а считаете ли вы религию опиумом для народа?

Обычно я не разговариваю... не разговаривал в той жизни о религии с малознакомыми людьми, но тут решил нарушить это правило - надо же узнать, как коммунизм может соседствовать с церковью, мечетью и прочими храмами. Помню, во время Великой Отечественной Сталин смягчил свою позицию по отношению к верующим, но почти сразу после снова подверг их гонениям. И судя по тому, что я увидел в послезиствии, товарищ Сталин жестко ошибался. Бог (или богиня) есть, теперь я знаю это точно.

Тем временем, задумавшись над моим вопросом, майор Джабарова поджала губы, подумала немного и честно ответила:

- Считаю, можно было бы обойтись и без этого. Но, сам понимаешь, Горбачев запустил то, что с трудом удалось направить в нужное стране русло - Перестройка, попы, экстрасенсы, кооперативы... Слишком многое посыпалось, слишком много пустоголовых последователей обнаружилось у новшества, и только вмешательство товарища Горского спасло страну.

«Ага, значит, Перестройка тут все-таки была, - подумал я. - Так-так. Вот это уже кое-что проясняет. Значит, Горби и здесь наследил, но его остановили. И не только его, но и развал Союза. А значит, Ельцина, его команду и тех, кто за ним стоит. Но кто? Что еще за Горский?» Я бы запомнил эту фамилию, если бы в моем мире он хоть чего-то добился.

- В чем-то пришлось пойти на уступки, в чем-то – признать ошибочность прежней линии партии, – продолжала заученно вещать Ирина Тимуровна – так, словно проводила для отдельно взятого индивидуума урок политинформации. – Генеральный секретарь товарищ Горский на юбилейном, тридцатом, съезде КПСС ясно объяснил, что мы страна свободная. А значит, пусть верует тот, кому это надо. Партия не может контролировать мысли, но и лицемерия нам не надо! Веруешь – веруй, но открыто! И баста!

- Мудро, – сказал я. – Правильнее возглавить то, что ты не можешь предотвратить.

Воцарилось минутное молчание, которое нарушила Ирина Тимуровна:

- Саша, у меня к тебе будет просьба. Ты разбираешься в сантехнике... Не то сказала, язык заплетается... В общем, у меня смеситель течет, уже старый совсем. Можешь его поменять?

И – ни тени смущения. Жизнь спас? Спасибо. Но кран надо поменять!

- Да без проблем, если есть инструмент.

Мне несложно, я умею работать руками, а ссориться с Ириной Тимуровной не стоит.

За мостом через реку начался коттеджный поселок. Все здания однотипные, полуторазэтажные, заборы – кирпичные. Каково же было мое удивление, когда машина свернула с главной и покатила между домов по асфальтовой дороге и остановилась у одного из этих коттеджей.

В моем мире не каждый мог позволить себе такое постоянное жилье, а тут – дача.

- Это и есть ваша дача? – на всякий случай уточнил я.

- Пока она ведомственная. Но еще пять лет службы, и станет моей... Если меня не уволят после того, что случилось.

Ворота открывались с пульта. Загнав машину, Ирина Тимуровна зашагала к дому. Остановилась у порога, дожидаясь меня.

Внутри пахло свежим ремонтом и сосновой стружкой. В гостиной были свалены коробки с мебелью. Собрали только стол и частично – кухню.

– Показывайте ваш кран, – проговорил я, снимая ботинки, которые немного жали. Первый этаж представлял собой просторную гостиную, здесь же был туалет с ванной. На втором, надо полагать, спальня.

– Да что его показывать, проходи в ванную, смотри, а я пока отопление включу.

Я бросил взгляд на фотографию на стене: улыбающаяся Ирина Тимуровна с сыном. Парню на вид лет шестнадцать-семнадцать. Мужа у этой дамы, надо полагать, нет.

Вода была перекрыта, так что оценить масштаб катастрофы я не мог, покрутил смеситель туда-сюда, огляделся. Стены обшиты «вагонкой» или чем-то похожим. Унитаз мало отличался от тех, что я видел в своем мире. Ванны нет, зато есть вполне современная душевая кабинка.

О, как же мне захотелось освежиться!

– Мне нужен ключ! – прокричал я из ванной.

Ирина Тимуровна пришла спустя минуту с черным мусорным пакетом и коробкой, в которой хранились инструменты, шагнула ко мне почти вплотную, коснулась футболки.

Я инстинктивно шагнул назад, уперся в стену. Это что за номер? Ирина Тимуровна приблизилась, слегка задевая меня своей огромной грудью. Но я не возбуждение испытал, в голове завертелась песенка Олега Медведева: «Жизнь тяжела, как борец сумо, пузом напирает, хочет выбить из круга на фиг».

– Этот хлам, что на тебе, больше не понадобится, – проворковала она. – Потом во дворе сожжем. Джинсы, футболку и ботинки я тебе нашла. Куртка, – она заглянула в пакет, – сильно ношенная. Вот. Переодевайся.

– Давайте я сперва почию...

– Кстати, вон, видишь коробку? – перебила Ирина Тимуровна. – Это новый кран.

– Понял, – кивнул я и рванул к стене, подальше от беспардонной майорши. – Сейчас поставлю.

Мое бегство ее не расстроило. Она наградила меня долгим взглядом и исчезла за дверь.

Спрашивать, от кого осталась одежда, я не стал. Сложена она была аккуратно, словно для того, чтобы ее забрали, но владелец так и не явился. Наверное, осталась после кого-то из сожителей или любовников. В моем случае не до выбора.

Джинсы оказались широковаты в поясе, но по длине подошли идеально. Еще обнаружили теплые спортивные штаны. Футболка серая с надписью «Байконур» и двумя спутниками: самым первым, запущенным в 1957 году, внизу и современным сверху. Вторая – условно белая, с кораблем «Буран», но почему-то подписанным как «Вихрь». Все-таки допилили проект?

«Если гонка вооружений не прерывалась, этот мир мог быть более развитым технологически, – думал я, примеряя осенние туфли. – Сколько интересного впереди!»

Обувь оказалась на два размера больше. Главное, что не меньше, можно чем-нибудь набить.

– Подошло? – спросила Ирина Тимуровна из гостиной.

– Да, – ответил я, переодеваясь в старый спортивный костюм, чтобы не пачкать вещи.

Убрав вещи, я взял разводной ключ и занялся делом. Это был не просто смеситель, а кран-патриарх, весь в потеках, мощный, не то что современные условно-металлические пародии. Новый смеситель тоже оказался не просто добротным – медным. Ну а что, страна у нас богатая, можем себе позволить.

На переустановку ушло минут семь.

– Включай воду, хозяйка! – крикнул я, забывшись, что с такой дамой надо на «вы», это в той жизни Ирина была моей ровесницей, а в этой она в матери мне годится.

Убедившись, что нигде ничего не течет, я обнаружил электрический водонагреватель и полез в душ.

О, я думал, знаю, что такое кайф! Будь моя воля, час бы плескался! Но мой кайф закончился, когда за полупрозрачными стенками кабинки я увидел силуэт: Ирина Тимуровна расхаживала по ванной, не торопясь ее покидать. А я не спешил выключать воду, потому что в данный момент майорша больше всего на свете хотела... меня!

Я не был готов к такому повороту. Рубенсовские женщины, склонные к доминированию, – вовсе не моя слабость. Немного запаниковав, я отвернулся и сделал вид, что не заметил ее, а Джабарова, не дождавшись, сама постучала в кабинку.

– Сашенька... – чуть хрипло произнесла она. – А я тебе полотенце принесла.

– Спасибо! – прокричал я, намыливая волосы. В этой жизни они у меня густые, непослушные. – Повесьте на крючок, пожалуйста!

Фух, ушла, слава богу. И что теперь делать? Сбежать? Или прикинуться дурачком – не потащит же она меня в постель силой? А если потащит, смогу ли я отбиться? Н-да, ситуация. Одно ясно: отрабатывать кров таким способом я точно не хочу.

Как не хочу и выходить из этой комнаты, потому что снаружи меня ожидает голодная валькирия с огромной кормой и ногами как у слона. И непонятно, как тут разруливать. Кто бы мог подумать, что привлекательная внешность может создать проблемы. В предыдущей жизни женщины на меня не прыгали. Ну, разве что очень редко.

Хотя... кажется, придумал. Если бы кто-то сказал, что работа на мебельном складе, которую я ненавидел и считал временной, будет мне полезна – рассмеялся бы в лицо.

Вытершись, я надел белую футболку, спортивки, натянул улыбку и вышел из ванной. В гостиной потеплело, на плите булькала кастрюля, распространяя божественный запах пельменей. Живот предательски заурчал, и я понял, что снова готов продать полдуши. Целую душу. На все готов, кроме постельных утех с этой женщиной. Потому действовать нужно иначе. Забываем про голод, включаем заботливого родителя.

– Голодный? – деловито спросила она, расставляя тарелки по столу, и напонила злую воспитательницу в садике: не хочешь – заставим.

– Конечно. – Врать было бессмысленно.

Я остановился напротив ее фотографии с сыном, демонстративно долго ее рассматривая.

– На вас похож, Ирина Тимуровна. Как зовут?

– Тимур. В честь моего отца.

– Старшеклассник?

– Первокурсник, – ответила она, наполнила одну тарелку, другую. – Школа милиции. Садись ужинать.

Хотелось наброситься на еду, но я сперва подошел к коробкам с мебелью, сел на корточки, изучая схему сборки и перечень комплектующих. Прихожая, кухонные полки, комод, три прикроватные тумбы, два шкафа, один из них угловой.

Ирина Тимуровна наблюдала, сидя на табурете и закинув ногу за ногу, отчего узкая юбка чуть задралась, обнажая круглую коленку. Наконец она не выдержала, несколько жалобно протянула:

– Саша, ну что ты там возишься? Садись, пельмени же остынут!

– Определяю себе фронт работ на завтра, – ответил я, выпрямляясь. – Но для того, чтобы повесить кухонные шкафы, мне понадобится перфоратор и уровень. У вас есть?

– Какой ты, оказывается, рукастый, – констатировала она. – А так и не скажешь. И что, ты можешь сделать идеально? И ровно чтоб висело? Не придется вызывать мастера, чтобы за тобой переделывал? – Она облизнулась, поменяла ноги местами, и юбка поползла выше, открывая бедро.

Я сделал честное-пречестное лицо и сказал:

– Если не смогу, вы же меня посадите. – Никакой реакции, лишь бровь приподняла. – Вот только поужинаю – и займусь, чтобы вы увидели мои способности и не беспокоились. Так у вас есть перфоратор и уровень?

– Есть, – вздохнула она. – Ешь давай!

Хотелось отрапортовать: «Так точно, товарищ майор», – но я пока не понял, есть ли у нее чувство юмора. Главное – занять свободное время, а ночью она домой поедет. Очень на это надеюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ratmanov_denis/nerushimyy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)